

Владимир Муляров

**Гафур.
Роман.
Книга 1**

Фантастика

Владимир Муляров

**Гафур. Роман.
Книга 1. Фантастика**

«Издательские решения»

Муляров В.

Гафур. Роман. Книга 1. Фантастика / В. Муляров —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960550-4

Данная книга является попыткой осмысления автором истории благоразумного разбойника. Человека, идущего к вере весьма долгим и столь же тернистым путем. Данный роман не является каким-либо богословским исследованием. Напротив, автор всячески стремится не ступать на эту зыбкую почву, но как средство выражения своих взглядов избрал путь фантастики, максимально приближенной к научной.

ISBN 978-5-44-960550-4

© Муляров В.
© Издательские решения

Содержание

Гафур. Роман. Книга Первая	6
Пролог	7
Часть 1. В песках	11
Глава 1. Монолог рядом с издохшим верблюдом	12
Глава 2. Дюна	14
Глава 3. Дни и ночи	17
Глава 4. Странные люди	21
Глава 5. Финка	25
Глава 6. Легенда о Юрии Гагарине	33
Глава 7. Вопросы	36
Глава 9. Начало пути	48
Глава 10. По ту сторону дверей	54
Глава 11. Расставание	64
Часть 2. Мельхиор	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Гафур. Роман. Книга 1

Фантастика

Владимир Муляров

© Владимир Муляров, 2020

ISBN 978-5-4496-0550-4 (т. 1)

ISBN 978-5-4496-0551-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Гафур. Роман. Книга Первая

Пролог

– Любви не имею. – сказал Михаил. – Ни капли! Одна ярость в душе! – он сделал паузу и держась за сердце прошелся по комнате. – Поступаю, как проклятый революционер: все, что не по мне – все плохо и подлежит немедленному уничтожению! И да, конечно! От имени всего народа! А ведь когда-то священником был. Думал что верю ... – он взял с кухонного стола мою чашку и допил мой чай. – Что-то ноги меня не держат! – сказал он. – Прилягу-ка я тут... на твою койку!

– Зачем ты меня здесь нашел? – спросил я его.

Михаил непонимающе посмотрел мне в глаза.

– Я имел в виду, что ты же болен! Мог бы просто позвать...

– Не мог! – отрезал он. – По ряду причин. Поэтому... Извини. Ради памяти о нашем детстве!

Он со вздохом забрался на мой высокий дощатый настил, который заменял мне постель и был, скорее, похож на тюремные нары.

– Я тут, собственно, вот зачем. Нужно многое тебе сказать и возможно, от чего-то уберечь. Знаешь, что там было... тогда?

– Где?

– Там, в Гефсимании. – сказал он, уставясь в низкий, прокопченный потолок моей избы, и не дожидаясь ответа сказал. – Тишина. Удивительная, благодатная Тишина! Я все время вспоминаю этот день. Это... этот день был лучшим в моей жизни! ... Мне тогда, как Хранителю, было доверено оберегать то место от любых попыток вмешательства извне. Было ясно на примере других веков, что попытки такие будут. – он опять сделал паузу. – Знаешь, сколько народу нелегально проникало в Прошлое с целью убить Гитлера?

Я лишь покачал головой.

– Думаю, много.

– Точно! Много! – ответил он. – Мы депортировали... Этот период в Конторе даже имеет свое название. Депортация сороковых. А знаешь, сколько этих, как мы их называем заходак, пыталось посетить Гроб Господень в ту ночь?

Он посмотрел мне в глаза, но я лишь пожал плечами.

– Никого! – сказал он. – Совсем никого. И вовсе не потому, что там всегда была стража из Службы Коррекции, нет! Это место было недоступно вообще ни для кого, кроме тех, кому была уготована Евангельская роль! Вот так! Вот тогда, наблюдая все это, я и поверил. Технически невозможно без установки Хронобарьера изолировать отрезок Истории, течение событий с Главной Кардиналью в центре! Это все равно что остановить Реку без возведения плотины... И спрашивается, зачем тогда, в том месте и в то время нужны были мы?

– Это очевидно! – сказал я. – Вам позволили. Вероятно как еще одним свидетелям, кроме тех, кто итак были свидетелями Его Воскресения в их родном времени.

– Да! Но зачем это все, какой в этом смысл? – он посмотрел мне в глаза и продолжил. – Евангельская история полна и совершенна, и не нуждается ни в каких дополнительных доказательствах!

Я молчал. Я не был библеистом. А Михаил усмехнулся.

– Существуют иные миры. И Иные времена с совершенно иными персонажами. Но при этом с такими же заблудшими. Христос приходит ко всем. Это так. Но сперва всегда появляются пророки. Предвестники. И они всегда из своих, это всегда местные. Те, кого все хорошо знают! Проповедь Слова Божьего всегда начинается там, где люди уже совершенно заблудились. Вне зависимости от чьих-то вычислений индекса НТР. Но там, где технологии достигли своего совершенства, это особенно тяжело. Поскольку... Ну, ты сам это все знаешь! – он

прокашлялся и продолжал. – Это все можно лишь тому, кто сам является свидетелем всего, будучи при этом типичным представителем своего общества! Другим не поверят. Их поднимут на смех, или распнут. Или то и другое вместе. Ты и Нити и все мы, Хранители, смотрим на это только с точки зрения сохранения Будущего. Причем исключительно своего, Земного. А есть и иной взгляд. Я смотрю на это с точки зрения сохранения Церкви здесь, у нас, а так же с точки зрения Проповеди у других... людей. В других мирах! В конце-концов, ваши с Ольгой сыновья тому доказательство! Прости, что напомнил. И мой сын... он тоже был распят, как и твои. Но мой тут, а ваши с Ольгой в четвертом октанте Большой Вселенной. Галактика Аасмаираат. Вот про это я и говорю. Когда у них появится своя Книга с Заповедями – дело второе. Важно то, что Пророчество у них уже состоялось. А поскольку их мир это одна вселенская торговая площадка, можно быть уверенным на все сто, что Мысли о Едином Боге, который есть Любовь, известны уже во всем их Октанте. Вот так. Вот зачем нужны очевидцы.

Он прикрыл глаза и достаточно долго лежал, не произнося ни слова. Молчал и я, вспоминая своих мальчишек от своей второй жены, которых держал на руках всего один раз в жизни, когда им было полтора месяца. Мне было больно, но мой жизненный опыт говорил мне с определенностью только то, что этому человеку... другу, которого я знал бесчисленное время, которого любил, с которым когда-то люто воевал и которого потом ненавидел, а после просто про него забыл на тысячи лет из-за занятости, и теперь он... он обо мне вспомнил и явился сюда ко мне сам. В место, о котором, как я наивно полагал, вообще никто не мог знать. В мой схрон. Заброшенная деревня в России начала двадцать первого века... И теперь этому человеку нужно дать выговориться. Просто выслушать его. Чем бы ни были его слова. Я не хотел начинать диалог в виду того, что это было бы вмешательством в его мысли. Этим я просто его собью. Пусть говорит. Мне понятно, что Мишель уже почти исчерпал все резервы своего Безвозвратного Периода. Дальше – лишь смерть. И поэтому меня не смущали даже те четыре трупа за окном. Если бы он всерьез хотел меня убраться, то взял бы значительно больше народу. Нет, ему нужна... нужен этот разговор со мной, как воздух утопающему. Разговор тет-а-тет. Я подошел вплотную к нему и положил свою ладонь на его лоб. Он горел.

– Отдыхай! – прошептал я. Потом. Все потом.

– Вовка! – встрепенулся Михаил. – Или Гафур? Как там тебя взаправду?

– Я уже и сам не знаю...

– Мы просто винтики большого механизма, который крутит маховик вселенских событий. И меня это иногда до жути бесит!

– Меня тоже. – вставил я. – Но мне понятно, что так нужно!

– Да. Твоя дочь когда-то опубликовала роман. «Дороги, которые нас выбирают» – сказал он. – Это летопись Цитадели из Нулевого Октаанта.

– Да, я знаю. – сказал я. – И у меня здесь есть эта книга с ее автографом.

Он помолчал и сказал.

– Мы всегда ходим именно такими дорогами. Теми, которые нас сами выбрали. Как ты назвал своих мальчишек?

– Я не хочу... – вспыхнул я. Но он меня бесцеремонно перебил.

– Мне наплевать, что тебе больно. Просто ответь на вопрос: как и почему именно этими именами ты их назвал?

– Да пошел ты! – рявкнул я. Но видя то, что он совершенно беззлобно улыбается, все же ответил.

– Петя и Андрей. Мы тогда сидели на водном ранчо Амелии, моей внучки. Я там лечился, а Ольга прибыла с Амелией из Цитадели. Вместе с детьми. Она меня спросила, как назовем мальчишек? И мы решили назвать Петром и Андреем. Первого в честь моего бати, а второго в честь Владыки Нижних Миров, благодаря которому Оля вообще смогла родить...

– И тебе... И ты считаешь, что это ваш свободный выбор? – Михаил уже почти смеялся. – Здесь, на Земле, эти имена носили Первые Апостолы. А там, в Четвертом Октанте Большой Вселенной, в какой-то невообразимо далекой галактике и в период времени, который с земным даже соотнести никак нельзя, там вдруг возникают некие Петр и Андрей, с именами, каких там никогда нет и не было, и начинают всем убежденно рассказывать о каком-то Христе, который к ним однажды придет! Ты не считаешь это странным? Или, может быть, ты думаешь, что это ты сам их так назвал?

– Я тебя задущу. – просто сказал я Михаилу и отвернулся. А он снова зашелся в кашле.

Наконец, он повернул голову в мою сторону и посмотрел в окно. На улице было тихо и валом валил снег. На его лице просияла улыбка.

– Дороги, которые нас выбирают! ... Когда-то я вывез тебя из аравийской пустыни, – сказал он, – и ты стал тем, кем стал. Надеюсь, не зря! Надеюсь, ты не жалеешь? Я не мог больше никому доверить это дело. Не мог. Даже сыну. Закурить есть?

– Конечно! – ответил я. – Трубка. И прекрасный табак. Из моих старых запасов. «Герцеговина Флор». Сходить, забить?

– Да! – сказал Михаил. – И вот еще что. Там в моей сумке есть конверт. Это... Его передай священнику. Любому. Это моя исповедь.

– Может позвать? Тут рядом знакомый б...

– ... нет! – прервал он меня. – Не перебивай. У меня мало времени. И слушать безумного деда никто не станет. Ты же не думаешь, что кто-либо в здравом рассудке всерьез воспримет мою историю? Иди, забей трубу!

Я встал со стула и вышел в тамбур, где иногда курил табак. Кожаная сумка Михаила лежала рядом на столе. А еще рядом лежал наш стандартный Интерком. И неожиданное решение пришло мне на ум.

– Да, Джафар! – раздалось в трубке после того как я установил связь. – Ты же знаешь, что зв...

– ... знаю! – оборвал я ворчание одной из своих бывших жен. – Тут такое дело... У меня в деревне Михаил, и он при смерти.

– Какой Михаил?

– Господи, да Мельхиор!

Какое-то время Нити молчала.

– Как давно?

– Недавно. – ответил я. – Но он совсем плох. А сейчас еще потребовал табак!

– Твоя локация?

Я продиктовал ей ряд цифр.

– Только оденься теплее. У нас тут зима!

Буквально через минуту Ольга Сергеевна Гинзбург, она же Ниэтель Футо, возникла прямо во дворе моего дома. В высоких меховых сапогах, норковом полушубке и горностаевом манто поверх всего этого. Без головного убора. Но зато у нее манто от кутюр был капюшон. Нити всегда одевалась шикарно. Даже на работу. Она выбралась из сугроба и прошла ко входной двери, аккуратно обходя мертвых молодых мужиков в одинаковых костюмах. В руках у нее был небольшой пластиковый чемоданчик с равносторонним красным крестом на фасаде.

– Привет! – сказал я ей, услужливо отворяя двери.

– Где он?

– Внутри. Проходи. Это то, что я думаю? – спросил я, указав рукой на медицинский кейс.

– Да. Но я... но ты ведь знаешь, что он не согласится?

– Да. Не согласится. – ответил я.

– И еще вопрос. Пока он меня не увидел. – сказала Нити. – Это ты их уложил? – она красноречиво кивнула головой в сторону четырех трупов, уже почти что заметенных снегом.

– Он. – ответил я. – Он сам. Как только они все возникли у меня здесь. Я во дворе снег разгребал... Полагаю, это из службы надзора... Ну, ты знаешь! Он просто хотел поговорить наедине. И точно в последний раз!...

Часть 1. В песках

«Вечери Твоя тайная, днесь, Сыне Божий, причастника мя приими.
Не бо врагом Твоим тайну повем, ни лобзания Ти дам, яко Иуда, но яко
разбойник, исповедую Тя: Помяни мя, Господи, во Царствии Твоем.»

(Из богослужений Великого Четверга.)

«Удивительная вещь – Время! Могущественная, а когда в Него
вмешиваются – опасная!»

(Альбус Ульфрик Персиваль Дамблдор.)

Глава 1. Монолог рядом с издохшим верблюдом

Доводилось ли кому-нибудь из вас, уважаемые потребители чтива, сживать посреди раскаленной пустыни рядом с вашим верблюдом, который издох, так и доставив вас до спасительной воды?

Доводилось ли вам, получив дротиком в затылок от настигающих всадников Кесаря, потерять сознание, но не упасть с вашего, бегущего трусцой престарелого транспортного средства по кличке Тмеребо, а вцепившись ему в шерсть оцепеневшими пальцами, так и следовать вместе с ним по раскаленным пескам Кара-Юла, волочась по песку ногами, до того самого места, где и издох ваш любимый верблюд, так и не доставив вас до спасительной воды?

Вряд ли, о достопочтеннейший мой друг, вам доводилось в вашей вполне безвкусной, пресной жизни испытать такую ситуацию, потому, что если бы она коснулась вас крилами смерти, то и читать сейчас вы бы это не могли. Не так ли?

Да, так. Все так. Я сидел посреди жгучих песков Кара-Юла, в самом сердце пустыни, которую любил и ненавидел, и вязкие мысли, медленно проникая через еще слишком узкие после потери сознания каналы, постепенно обретали в моей голове форму того уровня правды, про который не стыдно сказать, что это есть конец всему. Но и этот уровень правды о возникшей вокруг меня жизненной ситуации, не вызвал у меня никакого страха, потому что я всё еще пребывал в полубреду после ранения в затылок.

Солнце нещадно палило мою тупую голову, старый вязаный свитер – ее подарок на годовщину наших отношений, – промок от пота, и у меня сильно болело в области затылка. Проведя ладонью по нему, я убедился в том, что кровь на огромной шишке уже запеклась и перестала течь, что само по себе было неплохо. Глаза мои были забиты песком, который скрипел и на зубах. Потому что это место, где мы сейчас оказались, состояло из самого мелкого песка, который вообще существует в природе. Из самого гадкого песка, ослепительно белого, как снега Антарктики, легкого, словно лебединый пух и летучего, как придорожный глинозем. Достаточно было простого ветерка, и все вокруг теряло контуры, цвета, яркость. Все вокруг становилось песочно-воздушной кашей, проникающей везде, от которой нет никакого спасения. Отчасти это и объясняло то, почему у меня болели глаза, свербило в носу и мучительно хотелось кашлять.

Многие из тех, кто никогда в пустыне не бывал, вероятно, полагают, что песок везде один и тот же? О! Это, конечно же, не так. Ибо лично мне были известны, по крайней мере, три его формы, которые и составляют пески Кара-Юла.

Есть обычный песок, которого в пустыне примерно три четверти. Это такой же песок, как, например, на побережье моря. По такой пустыне можно передвигаться с легкостью, имея к этому соответствующие навыки. Тем более, сидя на верблюде.

Есть так же песок, который ближе к мелкому щебню. Такие места ужасны с точки зрения передвижения по ним. Они ранят ноги человеку и скоту. Но с этим тоже можно как-то мириться. К тому же там чаще всего можно встретить воду.

И, наконец, есть третий, самый редкий и самый гадкий вид песков, про который одни кочевники говорят, что это – Начало Великой Пустыни, а другие называют их – Мать Черной Пустыни, или Кара-Юла, ее сердце.

Как вы полагаете, в каких именно песках оказался я с моим несчастным верблюдом?

Попадать в такие пески нельзя ни человеку, ни верблюду, ни скорпиону, никому. Там совершенно нет, и, похоже, что никогда не было, никакой влаги. По нему можно идти, тратя огромные силы просто для того, чтобы передвигать увязающие чуть ли не по колено ноги. Тот, кто упадет в него лицом, будет испытывать те же ощущения, что и человек, задыхаю-

щийся в мешке с мукой. Лично меня в настоящей моей ситуации спасло лишь то, что когда мой «корабль пустыни» пал, то он пал на правый бок, в то время, как я болтался у него слева.

Впрочем, именно этот песок имел неоспоримое преимущество перед остальными своими формами – в нем не водилась никакая живность, которая в достатке присутствовала в иных областях пустыни. Не было здесь даже микробов. Так что, попав в рану, этот песок действовал, как мощный антисептик. Поэтому заражения открытых ран – это то, о чем можно было совсем не думать, оказавшись тут. Мне не грозила ни гангрена, ни какой-нибудь столбняк, ни смерть от потери или заражения крови, но Великая Пустыня приготовила для меня смерть куда ужаснее – я это знал.

В любом случае нужно было сваливать отсюда поскорее, если это было в моих силах. Вот только куда?

Не особенно церемонясь с покойным мой верблюдом, я встал на его левое плечо и с умным видом оглядел все в ракурсе трехсот шестидесяти градусов, ничего не увидев вокруг, кроме одной-единственной дюны далеко на востоке. Судя по показаниям видеоискателя, который завалился у меня в кармане штанов, расстояние до этой дюны было очень большим. Но это означало также и то, что за дюной начинались иные, более лояльные к человеку пески. Так что у меня появилась хотя бы какая-то надежда.

Убедившись в том, что подпруга с седлом и всей поклажей где-то пропала во время нашей гонки со смертью, я забрал все, что можно было взять с собой, утешившись тем, что среди сохранившегося скарба оказались две из семи кожаных фляг с водой. С ними я мог прожить здесь дня четыре. Сохранилась так же и кожаная сумка, которую я всегда имел при себе висящей через плечо. В ней было то, с чем я не мог расстаться ни под каким предлогом, то, что было в этой жизни для меня едва ли не более ценным, нежели вода в пустыне. В ней, – в этой сумке, – лежали письма моего отца. Одного из немногих людей на этом свете, кто был для меня по-настоящему дорог, и чей уход из этого мира заставил меня в свое время испытать угрызения совести по поводу моей сыновней невнимательности к человеку, искренне меня любившему.

Я нагнулся и поцеловал в вонючую шкуру моего спасителя. Затем, повернувшись лицом к далекой дюне, я впервые пожалел о том, что у меня с собой не завалилась парочка охотничьих лыж. Лыжи почему-то не распространены в пустыне. Поэтому, спрыгнув со своего дохлого верблюда, так и не доведшего меня до спасительной воды, и тут же увязнув по колено в почти живой белой пудре, я стал осуществлять борьбу со своими ногами, борьбу с вьющимся, подвижным и словно жидким песком, борьбу с болью в затылке, борьбу с неистовой жарой уходящего дня и, кстати, борьбу со временем. Потому что лучше было улечься на ночь на гребне дюны, которая стала сейчас именно той целью, вокруг которой сконцентрировался весь мой настоящий, невероятно маленький мир...

Глава 2. Дюна

Я не стану вам рассказывать о том, какие муки мне пришлось испытать во время моего сизифова труда по преодолению нескольких стадий в песках Кара-Юла – самом ужасном месте из всех, где мне доводилось побывать в течение своих тридцати семи лет в местном летоисчислении. Здесь каждый шаг давался невероятными усилиями, но я, словно принц Корвин, проходящий Великий Лабиринт Амбера, выжимал из себя последние соки, и был уверен на все сто, что победа будет за мной. Пустыня, конечно, и упряма, и коварна. Но не настолько, чтобы сломать мою волю к жизни. Да и не было у меня иного выбора, кроме как дойти до высокой дюны, расстояние до которой я определил совсем неверно. Так что приближался я к ней медленнее, чем мне бы хотелось. Что, впрочем, нисколько не умаляло моих усилий.

(Боже! Ну где же те лыжи, на которых я бегал за лосем по лесам Подмосковья?)

К тому же, я не мог улечься на ночь в том месте, где находился в настоящее время. Нужно было идти, и идти быстро. И этим я занимался уже много часов подряд, не давая себе ни малейшей пощады.

На пустыню давно уже спустилась ночь, и у меня был реальный шанс сбиться с курса. Но великолепие и яркость звездного неба над моей головой создавало освещение на уровне планетария. Старенькие часы мои хоть и назывались «Командирские», но песок напрочь вывел их из строя. Я попытался-было их завести, но головка завода даже не крутилась. Поэтому я просто снял их с руки и широким, почти театральным жестом, словно давая милостыню навязчивому попрошайке, бросил в песок – еще одна жертва Ненасытной Пустыне.

К тому времени, когда качество песка стало заметно меняться в лучшую сторону, я уже лишился от усталости последних мыслей. Мне было ясно, что мои ноги постепенно перестали вязнуть в белесой каше, а сама белесая каша закончилась, и передо мною теперь возник очень крутой склон той самой дюны, к которой я и шел всю свою предшествующую жизнь.

Наконец-то, на коленях и локтях выполз я из ненавистного песка и долго лежал навзничь, тяжело дыша, без движений, словно бы я еще не до конца верил в то, через что прошел только что.

Я отметил факт того, что путешествие через Мать Песков мне стоило целой фляги воды – одной из двух, остававшихся в наличии. Это, впрочем, нисколько меня не расстроило на фоне удовлетворения тем, что, дошедши сюда, к гигантской дюне, я обрел теперь уже не теоретический, а вполне реальный шанс ко спасению. Однако, прежде чем выключиться, мне предстояло сделать еще одно дело. Обязательное дело, без которого я к утру умру еще вернее, чем если бы я остался у павшего Тмеребо.

Если бы жив был мой любимый верблюд!

Его хроническая вонь сама по себе отгоняла ночных насекомых пустыни. Ужасных насекомых. Огромных, ядовитых, быстрых, как стрела кочевника и таких же беспощадных. Поэтому я, напрягая свои последние силы, которые, как я думал, у меня должны были бы закончиться еще полжизни назад, стянул с себя свой шерстяной свитер и, раскусив где-то на нем нить, принялся его распускать. Потом, выкопав себе в песке яму по контурам тела, выложил вокруг нее нить из чистой овечьей шерсти, и мне понравилось то, что длины ее хватило почти на полных четыре кольца. При этом верхняя половина свитера была мной сохранена, и он теперь выглядел просто как очень короткий свитер. Мне нужно было как – то согреться в течение холода ночи. О скорпионах, фалангах и пауках я мог теперь вообще больше не думать. Правда, еще оставались змеи. Но мне уже было не до них. Пошли они все куда-подальше. Пусть гады сожрут меня до костей, а я? А я буду стоять рядом и смотреть... Как восходит из-за гребня... дюны... голубая утренняя звезда... Аврора... Этот революционный крейсер, выплывающий с первыми лучами солнца... из-за исчезающего горизонта... И его

видно теперь справа... от Зимнего... в самой середине зимы... пустыни... верблюда... Мир в душе и звездное небо над головой...

Так вот и началась моя, которая уже за двадцать лет, ночь в пустыне. Без средств к существованию.

Я не помню, просыпался ли я среди ночи, но когда я окончательно очнулся ото сна, солнце светило мне в лицо, выглядывая из – за гребня дюны. А это означало, что я проспал почти до полудня.

Не шевелясь и даже не нарушая ровного своего дыхания я приоткрыл правый глаз и увидел то, на что очень надеялся. Я надеялся, что кто-нибудь придет погреться среди холода ночи и приляжет мне на грудь своей прекрасной головкой. Такова она, любовь. О, да!

Конечно, я не собирался брать себе в любовницы большую песчаную гадюку, которая уютно свернулась у меня на животе. Но я был не в праве ее отпустить, потому что никакой иной еды у меня с собой не было. Так что... Противно, конечно, но мне не впервой было есть сырых змей. К тому же сырые змеи вызывают жажду, словно сельдь. А это в моем положении не было приятным! Но... Закончив с этим важным делом, я почувствовал просто прилив сил, и поэтому решил потратить их немного для того, чтобы, взобравшись на гребень дюны, обозреть близлежащие окрестности.

Там, с противоположной стороны дюны песок был намного более плотный. Мне было это известно. Но обходить огромную дюну вокруг просто для того, чтобы потом прогуляться в горку по пологому ее склону, было, конечно, слишком просто для такого парня, как я. Да и, если честно, лень мне было ходить вдоль дюны на неизвестную мне дистанцию. Потому что могло оказаться так, что там, где видимая часть этой гигантской песчаной волны заканчивалась, вовсе не есть ее конец, а, скорее, может быть поворот, ведущий снова на неизвестное расстояние. Поэтому я просто встал и посмотрел на то, с чем мне предстояло справиться. Передо мною, буквально в нескольких шагах поднималась под немыслимо крутым углом стена песка. И я удивился тому, почему эта океаническая волна, нависшая надо мною, не обрушивается с грохотом вниз, чтобы утопить меня в своем песковороте?

Я карабкался очень долго. Потому что передвигаться вверх по склону песка можно только тогда, когда ты не совершаешь никаких лишних движений, но, распластавшись по песку, очень медленно и осторожно ползешь вверх. Вставляю руки внутрь песка насколько это возможно. Подтягиваюсь, не отрываясь от поверхности телом. Обнимаю песок. Люблю эту дюну, целую ее, занимаюсь с ней любовью, извиваясь всем своим телом. Вверх, вверх, вверх! И если тебе такая камасутра не по нраву, то твоя возлюбленная тебя с себя как минимум сбросит, а то и завалит внезапно обрушившимся сверху песком.

Я стараюсь быть похожим на ту змею, которую недавно съел, потому что дюна должна думать, что я свой. Змее в песках вообще лучше, чем кому-либо. Поэтому, если ты сможешь убедить песок в том, что ты – змея, то у тебя все получится. В противном случае он тебя пожрет. Мой подъем вверх по склону дюны, вероятно, более всего был похожим на заплыв вольным стилем по вертикальной песчаной стене и в очень замедленной съемке.

Долго, долго, долго. Но в конце концов моя правая рука, взлетев в последний раз вверх, не наткнулась на стену плотного песка, а пролетела прямо, и я понял, что теперь можно приподнять голову и влезть на гребень песчаной волны. За гребнем дюны, как и ожидалось, мне в лицо ударил сильный ветер. Но я, зная это, предусмотрительно закрыл глаза.

Я сел на самом верху, и еще раз убедился в том, что был прав в отношении размеров этой дюны. Она и в самом деле была огромной. Может быть даже сравнимой с Великой Пирамидой. Здесь ветер свистел, словно морской бриз, охлаждая мои натруженные мышцы, не успевшие еще как следует отдохнуть после вчерашнего перехода. В той стороне, куда я смотрел сейчас, остался мой прошлый путь. Сотни и сотни стадий смертоносных песков пустыни, через которые мне удалось пройти живым. Где-то там, в направлении моего взора, лежал мой друг

и спаситель, мой любимый верблюд Тмеребо, пожертвовавший собой ради того, чтобы вывезти меня в максимально безопасное место – туда, куда не могли бы попасть египетские всадники – наемники Кесаря из числа местных. О, да! Они ни за что бы не погнали своих лошадей туда, где копыта их увязли бы сразу в жидком теле Матери Песков.

Ни один кесарь, мать его, не мог бы их загнать туда, откуда я выбрался чудом, заплатив пескам огромную мзду – все, что имел, кроме двух фляг воды. Да и я, – странная мысль, мелькнувшая в моем мозгу, – да и я, всего скорее, не рискнул бы забираться в пески, похожие на воду, если бы меня не выключили мои преследователи дротиком в затылок. Ну, а верблюд знал точно, что он делал. Потому что его широченные копыта могли пройти даже и через жидкие пески. Просто к этому времени он был уже настолько измотан, что его отважное сердце не выдержало... И даже тогда, когда он падал, будучи, по-видимому, уже мертвым, он пал таким образом, чтобы не нанести мне вреда, но чтобы я оказался лежащим на нем, а не в губительном белом песке.

Приведя всю цепь предшествующих событий к такому логическому строю, я еще раз искренне возблагодарил Всемогущего Бога и верного Его слугу по кличке Тмеребо, оказавшегося преданнее, отважнее и мудрее многих людей, которых мне пришлось повидать на своем веку.

Я все смотрел и смотрел туда, откуда прибыл к этой точке, в которой находился сейчас. И странным образом моя прошедшая жизнь напомнила мне эту пустыню. Такая же бестолковая и беспощадная, полная труда, скорби, потерь и всяческой бессмыслицы. Пустое пространство, где не на чем остановить свой взор. Все, что со мною уже случилось, теперь лежало там, куда я вернуться определенно не мог, в направлении запада. Ну, а мой дальнейший путь, моя будущая жизнь лежала в направлении востока, и мне пора было уже туда взглянуть. Я неуклюже повернулся на заднице, подставив правую свою щеку нещадному солнцу, и пристально всмотрелся в даль, которая, как я теперь понимал, должна была составлять все мои будущие дни, сколько бы их ни было. Там, как и ожидалось, не было ничего интересного. Кроме, разве что, бескрайнего моря, начинавшегося примерно в трех стадиях отсюда.

Ну, а что, собственно, я хотел обнаружить в своей будущей жизни, кроме миражей да иллюзий, свойственных этому лживому миру? Мне не впервые приходилось видеть миражи. О, да! Я в жизни насмотрелся миражей..!

Глава 3. Дни и ночи

Я бреду по бесконечному песку.

Вот уже 2 дня, безнадежно двигаясь к несуществующему, призрачному морю. В прошлой своей жизни я потерял любимого верблюда. Затем прошел через то, через что никто никогда не проходил, и пришел к огромной дюне. Там, переночевав у ее подножия, я съел змею и сумел взобраться на гребень дюны, чтобы что –нибудь увидеть сверху. Не знаю что. Не знаю... Но, сидя там, я вдруг ощутил, что мое будущее связано с движением на восток, в сторону морского побережья, которое хоть и было всего лишь миражем, но манило к себе, почти так же, как и настоящее море.

У людей пустыни есть поговорка: «В каком направлении ни иди – рано или поздно выйдешь к Великому Морю». Людям песков настолько дорога всякая влага, что они, стоя с гордым видом в самой середине пустыни, и не видя вокруг себя ничего, кроме песка, вам скажут: «Море везде. Оно вокруг нас!» И сделают при этом широченный жест рукой слева направо.

Конечно, географически это обусловлено тем, что любая суша со всех сторон омывается океаном. Но в свое время, на заре моих приключений в шайке бандитов, грабящих караваны, меня поразило то, насколько мудрым может быть разум людей, не имеющих ни малейшего представления не только о географии, но даже и о том, что земля круглая...

Два дня я, просыпаясь и ложась здесь, в самом центре всего, проклинал себя за то, что решил просто съехать с крутого склона дюны, вместо того, чтобы осторожно, не спеша, соблюдая приличия и законы, по которым живут пески пустыни, сползти со склона дюны вниз.

Ну да! Меня то – ли разморило на солнышке, то – ли уже старость грядет, лишая простой сообразительности? Но только я решил съехать по крутому склону дюны, как на скейтборде, на заднице своей. И тогда песок понял, что я, похоже, не тот, кого уж-было он собрался возлюбить. Меня закрутило, развернуло головой вперед. Затем я пожелал восстановить положение и, повернувшись на бок, внезапно стал катиться по крутому склону дюны кувырком, чем и вызвал ту лавину песка, то немыслимое его количество, которое чуть заживо меня не схоронило. Где-то на полпути моего путешествия кубарем вниз, фронт песка внезапно потерял свою устойчивость, обрушившись вниз всей своей огромной массой. Это породило поток воздуха, как будто великан вздохнул. И меня это дыхание сдуло, как пушинку, поднявши вверх и при этом выбросив далеко вперед. Я грохнулся с огромной высоты в песок, но снова остался жив, потому что опять улетел в жидкие белые пески, в которые и упал, как в перину любимой женщины. А через полчаса, когда я, насмерть перепуганный, но все еще живой, сумел вычистить весь песок изо рта, носа, ушей и глаз и привел в порядок свои мысли, то оказалось, что то место, где я ночевал и где осталась вся моя вода, теперь лежит под толщею песка. И я, потратив весь день и кучу сил, трудясь нещадно и свирепо, так и не смог даже приблизиться к тому, чего теперь лишился безвозвратно.

И тогда я заплакал.

И тогда я оттуда ушел.

И тогда я понял, что череда моих потерь еще не прекратилась.

Я бреду по выжженной пустыне, теряя последние силы и килограммы веса, вспоминая прожитое просто для того, чтобы совсем не свихнуться...

«Во мне, созвучно шёпоту дождя,
Проснулось то, что до сих пор дремало...
Из пепла прошлого, как Феникс, вновь восстало
И полетело, раны бередя...»

Боже, сколько же вокруг ненавистного песка... Армейские ботинки тянут, словно двухпудовые гири. Но, их нельзя снять, потому что этот песок, словно угли недавнего костра!...

«Костёр во льдах и Солнце среди ночи!
И вот, уж, я не слышу мир вокруг...
Кто ты мне: враг, любимый, друг?
И чем ты отличаешься от прочих?»

...Друзья мои... Меня они покинули, как только в нас полетели первые стрелы... Ночью. Внезапно. Метко, разя наповал. Я же в этот час собирался за городскую стену тайно от друзей, потому что друзьям нельзя показывать свои тайники. Я уже сидел на верблюде, когда это все произошло, и поэтому в отличие от многих смог удрать в пустыню. Подальше от той, которую любил. И обратная дорога теперь была, уж, невозможна...

«А я, как зеркало, стараюсь отразить
Иль не заметить вовсе эту бурю...
Я не скучаю больше, не тоскую.
Тебя учусь я больше не любить...»

Полина, Полина... Я никогда тебя не видел, и, всего скорее, уже никогда не увижу... Моя знакомая по миру Интернета, сейчас так много значишь для меня. Твои стихи, выстраданные в результате потерь, и только поэтому, достойные быть произнесенными вслух, держат меня на ногах, не давая моему сердцу остановиться! Ты не искала своих потерь. Ты их не просила. Просто таким оказался твой личный путь. В твоей личной пустыне. Внутри Садового Кольца... И, да! Приобрести много можно лишь потеряв многое...

«Отдай кровь и прими Дух» – так нас учат великие пустынные, для которых жизнь в сердце песков почему – то не стала наказанием...

Во мне крови почти, уж, не осталось...

Но вот что же я приобрел, потеряв теперь уже вообще все, кроме самой моей жизни? Или я еще потерял недостаточно?

Я чувствовал хорошо натренированным чутьем разбойника, привыкшего доверять своим инстинктам, что я как раз тут вот и оказался в настоящем моем положении именно для того, чтобы это все понять...

Иду, иду, иду, иду. Шаг за шагом, стадия за стадией... Преподобный Павел Фивейский, проживший в пустыне в полнейшем одиночестве девяносто один год, перед своею праведной кончиной вспоминал, что ему было очень трудно жить в пустыне... первые тридцать лет! На что же годен я, коль по прошествии трех дней уже собрался помириться?..

...А более всего меня расстраивало то, что сумка с письмами отца осталась там же, под песком... Конечно, я их помнил наизусть. Но, ворошить в своей памяти нематериальные строчки совсем не одно и то же, что держать в своих руках тетрадную бумагу в клеточку, еще сохранившую слезы отца, который плакал, когда писал мне, пытаясь как-то отвести меня от тех дел, к которым тяготела моя испорченная натура.

Я, конечно, ему отвечал, передавая письма всякий раз, как только кто – либо из огромного числа моих знакомых следовал в сторону. В общем, туда, где жил отец. Это заставляло, видимо, его полагать, что я еще не совсем потеряян, раз трачу время на ответы, хотя на самом деле отвечал я ему только и единственно только по причине того, чтобы утешить старика, сообщив ему очередную порцию лжи о себе.

Эти горы лжи, накопленные в моем сердце за долгие и долгие годы, с тех самых пор, как я покинул родительский кров. Это именно они всякий раз сжимали мое сердце болью,

которую не с чем сравнить. Это – понимание того, что любящий тебя старик, в одиночестве коротающий свой век, думает о тебе лучше, чем ты есть на самом деле. И ты лжешь, лжешь и лжешь, нанизывая горы лжи друг на друга просто потому, что нельзя сказать любимому человеку правду о себе, не убив его при этом.

Теперь письма его были похоронены в глубокой песчаной могиле. И извлечь их оттуда не было ровно никакой возможности. К тому же я уже отошел от того места на огромное расстояние. Так что, вернуться назад я бы не смог уже никак... Отец, как бы я хотел сейчас быть рядом с тобой, вместо того, чтобы шляться все свои дни неведомо где, затерявшись под конец в непроходимой пустыне!

«Сын мой возлюбленный! Получил твое письмо, сын мой, и помянул дни прошлого. И, приклонив колени, горько восплакал. Я сказал – «Как суетен этот мир и непостоянен! Как не остается эта жизнь в одном положении, но все постоянно превращает и изменяет. Увы! Напрасны старания человека. Сегодня мы вместе, а завтра разлучаемся. Сегодня радуемся, веселимся, – завтра бранимся, огорчаемся. Сегодня сладкогласно поем. Завтра умираем и черви нас поедают. Ах, тщетный мир! Ах, лживый человек! Вчера у меня было много сыновей, и я хвалился своими сыновьями, – сегодня с одним только собою находясь в смиренной пещере, болезную и стенаю над самим собой... А завтра, может быть, поминки будут совершаться надо мной.»

Скоро, уже скоро, отец, совсем уже скоро мы вновь, как и во времена моего детства, когда ты возил меня на своих плечах, мы снова будем вместе, и я, наконец, смогу сделать то, о чем мечтал очень и очень давно. Прижать тебя к своей груди и так, горько заплакать от счастья и от того, что там, за Великим Порогом Всего, там уже мы не расстанемся...

«Сколь тщетна эта жизнь, воистину, сын мой! Сколь обманчива и коротка! Вот и снова Новый Год! Снова пожелания и надежды, однако, и наша смерть где-то притаилась и ждет. Какой-то день или ночь будут последними и для нашей собственной жизни. Поэтому блажен, кто день и ночь помнит о смерти и готовится ее встретить. Ибо у нее есть обычай приходить к тем, кто ее ожидает, веселой. А тех, которые ее не ждут, – настигает горькая и жестокая! Посему поразмысли и ты, сын мой, о лжи и обмане этого льстивого мира, и с помощью Божией Благодати смотри, не согрешай никогда! Ибо льстивый этот мир понуждает всех, чтоб они были близ него. Может когда-то удастся поймать их в свои сети, и иметь навсегда своими. Ибо люди обманывают и обманываются.

Будучи смертными – над своим смертным трудятся. Однако, ты слушай в себе день и ночь Божий голос. Не люби мир и весь обман мира, ибо быстро он проходит, и все его радости минуют. Только творящий волю Божию – тот пребывает вовек. Помни каждый день, сын мой, что ты призван пройти эту жизнь, как монах, а не как мирской.

В миру итак достаточно мирских. Я радуюсь, если радуешься. Печалюсь, если печалишься, добрый мой сын. Страдаю, если страдаешь. Не печалься сверх меры ни о чем. Возложи все на Бога. А Он лучше нас знает пользу души. Попечениями и размышлениями больше разрушаешь, чем исправляешь себя.

Зло, произошедшее в прошлом, только покаяние и изменение жизни исправляет. Итак, радуйся в Господе и позаботься остаток своей жизни пройти в покаянии...»

Да. Это хорошо про остаток жизни. Очень вовремя! Последний раз, когда я помочился в ненавистный песок, то заметил, что моча моя стала тёмно—коричневого цвета. А кроме этого

меня преследовала нестерпимая боль в области правой почки, чего раньше не было никогда. Вероятно, это от того, что когда я пал с высоты в песчаную кашу, то упал я на бок, сильно изогнувшись, т.к. еще в падении хотел расположиться ногами вниз. Ничего, конечно, у меня из этого не вышло, и я упал, как мешок, на правый бок после того, как дюна сдула меня с себя.

С тех пор у меня ныла вся правая сторона тела. Но, если в отношении ушибов рук и ног можно было и потерпеть, то боль в почках меня серьезно тревожила. Впрочем, как говаривала моя тетушка, от чего—то ведь надо умирать...

«Зло, происшедшее в прошлом, только покаяние и изменение жизни исправляет...» Простая эта мудрость, которую я читал и перечитывал сотни раз, наконец—то, до меня доходит. И по иронии судьбы здесь ни покаяться, ни исповедаться некому, кроме Творца, который итак всё обо всём знает и у которого я, как на ладони. А еще у меня не остаётся совсем ни времени, ни возможностей что—либо в своей жизни менять. Всё. Похоже, я испил свою чашу до дна, до последней капли быстроотекающей моей жизни... Господи, где Ты?

Я остановился у камня, который одиноко валялся в бескрайних песках, и к которому я, оказывается, бессознательно шел уже довольно давно. Я устало плюхнулся в его тень, хотя его тени хватило ровно настолько, чтобы в ней укрылась одна только моя голова и левое плечо, и мгновенно уснул.

Я уже не думал ни о собственной безопасности, ни о спасении. Мне стало всё равно. Поскольку еще сутки назад в глубине души я понял, что пустыню мне не пройти. Просто шел себе и шел, пока мог. Но теперь всё. Этот камень — он и будет моим последним пристанищем. В полусне—полубреду мне вновь почему—то привиделся Эрмитаж, таким, каким я его запомнил в последний раз много—премного времени назад... Зима. Холодно, и мы с Михаилом прячемся в поднятые воротники, а наши женщины стоят спиной к невскому ветру, и из их капюшонов вырывается пар... Дышат себе в замерзшие руки... Холодно, очень холодно. Меня всего сотрясает озноб! И тут двери Зимнего открываются и мы входим внутрь, прячась от февральского мороза. Ты тогда сказала, я помню, «Боже, как здесь пусто! И эхо! Там, кажется, лежит человек.»

Твоё лицо, такое ясное, такое лучезарное, высунувшись из спавшего капюшона, приближается к моему лицу, которое я, почему—то, тоже вижу, и я понимаю, что ты собираешься поцеловать меня в ледяной лоб, но вместо этого я слышу слова: «Эй! Ты жив? Очнись!» Твой поцелуй так сладок, так похож на воду. И она льется мне в гортань. И я жадно пью твои медовые уста, судорожно глотая жизнь, исходящую из них...

Эта вода, излившись прямо из твоих губ, возвращает меня к жизни. Но не в фойе Эрмитажа, а опять—таки, у камня, в ненавистой пустыне, где я завалился в последний раз, чтобы просто умереть. Но не умер. А вместо твоего лица перед собою, сфокусировав расстроившееся зрение, я вижу лицо красивого и очень древнего старика в чалме, и слышу его слова. «Слава Всевышнему, — говорит старик.— Ты пришел в себя! Потому что я уже сполнил тебе всю нашу воду!»

Глава 4. Странные люди

Я автоматически отметил про себя это «нашу» и решил приподняться на локтях, чтобы посмотреть, скольких еще людей объединяет это слово, но не смог этого сделать, т.к. выпитая мною тухловатая вода, которую в меня влил старик, вконец меня обессилила. И снова нестерпимо захотелось спать. Но! Мне просто необходимо было знать в компании каких людей я оказался, поскольку добрая половина всех людей из близлежащих стран хотела бы моей смерти. За последние два десятка лет наша шайка успела создать себе замечательную рекламу. Старик это, конечно, понял и приподнял мою голову так, чтобы я мог видеть людей, бывших вместе с ним.

Их оказалось совсем немного: молодая, высокая женщина, закрывавшая лицо платом от песка да двое пацанов. Одному, который постарше, было по виду уже за двадцать, а тот, кто поменьше, был совсем еще малец, лет, я думаю, десяти – одиннадцати. Был у них также и ослик, очень грустного вида, на котором был навьючен весь их скудный скарб в двух тюках.

– Это моя жена и мои дети – просто сказал старик, указав рукой в сторону своей жены и своих детей, стоявших поодаль от нас.

– Ты кто? – вновь заговорил он, обращаясь ко мне. И я обратил внимание на то, что этот дивный, древний дед очень походит внешностью на отца нашего Авраама, сошедшего к нам сюда напрямиком с гравюры Альбрехта Дюрера.

– Мое имя Гафур, – сообщил я старику свое имя, которым, надо сказать, в этом мире я дорожил.

– И откуда же ты, Гафур? – снова задал мне вопрос этот дед, устало присаживаясь рядом со мною на песок.

– Из Хель – Баллузы – полушепотом солгал я, ляпнув первое, что пришло мне в голову.

Он довольно долго молча смотрел в сторону, поверх меня, как бы разглядывая что-то на горизонте, а потом сказал.

– Если ты Гафур из Хель – Баллузы, то я тогда Юрий Гагарин. Я знаю Гафура из Хель – Баллузы. И ты – не он... Гафур умер много лет назад от старости. Впрочем, – продолжал навязчивый дед, – если ты хочешь, мы будем называть тебя Гафуром, хотя я думаю, что ты – один из тех, чьи мертвые тела мы видели в изобилии четыре дня назад.-

«Это значит, что я теперь остался совсем один...» – подумал я.

Мы немного помолчали. Я молчал, потому что хотел, чтобы разговор вёл старик, давая мне информацию самостоятельно. Потому, что во время беседы с незнакомыми людьми, твой разговор обязательно выдаст сферу всех твоих интересов. Ты невольно всегда будешь склонять разговор либо к тому, что тебе хотелось бы узнать, либо к тому, о чем тебе хотелось бы заявить. И то, и другое будет проявлением сферы твоих интересов. А это опасно. Потому что мне ничего не известно об этих людях, очень странным образом встретивших меня в пустыне. С гораздо большей вероятностью ко мне с небес сошли бы ангелы, чтобы меня спасти, чем повстречались бы люди в пустыне, где на сотни лиг вокруг нет ничего живого.

Поэтому я молчал. Молчал и старик, видимо, по той же причине. В конце концов, ему это надоело, и он сказал с нескрываемым ехидством, обращаясь ко мне:

– Хорошая погода сегодня. —

– Да, неплохая. – Согласился я. – Несколько жарко.-

Он продолжал меня рассматривать, нисколько не скрывая своего интереса к моей персоне.

– Подвинься—ка немного, сынок, – сказал, наконец старик, – мне нужно набрать воды в запас. Потому что нам еще идти и идти. А следующий колодец будет в двух днях пути отсюда.-

С этими словами он просто взял меня и откатил в сторону, ни капельки не церемонясь. И меня удивила та лёгкость с какой он всё это проделал. Это означало одно из двух – либо он был необычайно силен для своих лет, либо же я вконец отошал. А всего скорее имели место оба фактора.

Теперь я лежал на животе в двух метрах от камня и от старика и по – прежнему не мог пошевелиться от слабости и боли в спине. Старик же, призвав на помощь старшего сына, стал откатывать камень в сторону, и им это удалось. То, что было под камнем, окончательно повергло меня в изумление. Я увидел, что под камнем лежит здоровенная, круглая деревянная крышка и что крышка эта закрывает отверстие тоннеля приблизительно, метрового диаметра, выложенного изнутри туфом. Скорее даже, тоннель этот более напоминал не колодец, в котором могла бы быть вода, а вентиляционный горнопроходческий шурф, уходящий вниз на неизвестную мне глубину под углом около семидесяти градусов.

Я думаю, что этот тоннель уходил вниз очень глубоко, раз старик рассчитывал тут почерпнуть воды. Старший сын старика, трудившийся вместе с ним, крикнул в открывшееся отверстие протяжное «А» и тут же получил подзатыльник. Это «А» звучало довольно долго, что убедило меня в правильности того, о чем я догадывался – проложить в середине пустыни почти вертикальный тоннель метрового диаметра на глубину – как я понимал, – не менее пятидесяти метров, могли только очень серьёзные люди плюс, конечно, очень серьёзная техника. Мне становилось интересно и тревожно... И откуда этот удивительный дед прослышал про Юрия Гагарина?

«Но вот ведь коллизия судьбы – подумалось мне, – я чуть не помер в пустыне от жажды, лежа на колодце!»

В течении всего этого дня я периодически терял сознание, воз-вращаясь к действительности всякий раз, когда меня снова и снова поили водой эти люди. Среди моих нескончаемых отключек был момент, когда мне дали пожевать немного брынзы. Но я был настолько обессилен, что не мог совсем двигать челюстями. Так что пищу пришлось отложить на лучшее время. Когда же я очнулся, не почувствовав вновь тяги к потере сознания, уже почти стемнело. Вещи этих людей, встретивших меня в пустыне, были разобраны, я лежал на каком – то тоненьком покрывале, а почти впритык ко мне лежал их ослик. Поодаль от нас горел огонек небольшого костра, над которым висел котелок на треноге и в нём что – то приятно булькало. У костра, на циновках полулежали трое из членов этой семьи. Отсутствовала женщина.

Я знал по своему опыту, что свет от костра на совершенно открытом пространстве, может быть опасен, т.к. в темноте пустыни обитает масса живности, которая может тебя сожрать, легко и просто придя на твой огонёк. Например, это мог быть один из пустынных львов. И я не видел для нашей компании совершенно никаких способов противостоять льву, если бы он вдруг решил здесь объявиться. Однако, эти люди, похоже, чувствовали себя совершенно спокойно, и это их спокойствие передавалось мне. Потому что в этот раз меня так же пронизывало и чувство голода, которого не было раньше. А это означало, что мой организм потихоньку набирает силы.

Старик с сыновьями о чём—то неслышно шептались, почти не нарушая своим скромным поведением основного закона песков, который гласит, что ты в пустыне – гость. Всегда. Даже если все твои предки на протяжении тысячи веков жили в пустыне, ты никогда не станешь для нее любимым чадом, но всегда будешь просто гостем.

Пустыня до крайности эгоистична. Ты находишься в мире, живущем по законам исключительно только своей собственной этики, которые нарушать нельзя, не рискуя при этом получить суровое наказание.

Пустыня может дать тебе всё – и пищу, и воду, и кров, и защиту. Если ты будешь неукоснительно следовать нехитрым законам, по которым живут бескрайние пески. Или же она может лишить тебя всего, что ты имеешь, способом, о котором ты даже не подозреваешь.

По степени неприятия человека поспорить с Бескрайними Песками могут только лишь Каменные Джунгли, если вы понимаете, о чем я.

Моё пробуждение не осталось незамеченным, потому что маленький мальчишка, сидевший у костерка ко мне лицом, и всё время не сводивший с меня своих огромных глаз, кивнул в мою сторону, как только заметил, что я очнулся. Похоже, в отношении меня у них уже сложился некий план, потому что я был еще жив. Старший сын старика поднялся, и я увидел в руках у него какую-то посудину, от которой шел обильный пар. Голод и не унимавшаяся жажда мгновенно дали о себе знать.

Парень двигался в мою сторону, и теперь, когда свет от костра падал на его лицо сбоку, мне почудилось, что ему совсем не двадцать лет, как я решил поначалу. Да и двигался он совсем не так, как двигаются подростки. Было в его движениях нечто неуловимо знакомое. Но я не мог понять что именно. Возможно, он был значительно старше.

Поравнявшись со мной, он пал на колени и кивком головы поприветствовал меня, поставив перед моим лицом глиняную миску:

– С пробуждением! – Сказал мне этот человек, явно желавший выглядеть младше своих лет. – Вот, отец приготовил для тебя отвар из разных трав, потому что воду тебе больше пить нельзя. —

«А как насчет еды?» – подумал я. Но вслух, конечно, ничего не произнес.

– Пей. – Сказал он мне и приподнял мою голову так, чтобы я мог напиться. То, что оказалось в этой посудине, было ароматным отваром, имевшим неизвестный мне запах. А на вкус это питье было горьким и терпким. После нескольких огромных глотков я почувствовал сначала, что во рту вяжет, как после черёмухи. Сразу же вслед за этим у меня онемел язык. В голове сильно зашумело, а затем я вдруг увидел, что всё пространство вокруг меня прогнулось, и мы с этим парнем оказались на дне гигантской воронки. А те, кто остался у костра, вообще сидели на практически отвесной стене. К горлу моментально подступила тошнота, усиливавшаяся возникшим головокружением. Я понимал, что этот прогиб пространства возник потому, что хрусталики моих глаз изменили свою геометрию под воздействием того наркотика, которым меня щедро напоили эти люди. Но это понимание было слабой компенсацией всё возрастающему страху.

В довершении всего я потерял всякую способность не только двигаться, но и просто пошевелить хотя бы пальцами рук.

Я был сильно напуган, но не в состоянии был даже подать виду. Тут старик встал из-за костра и зашагал ко мне, двигаясь вниз по вертикальной стене, постепенно переходящей в пологую поверхность. В руках он держал нож, зажав его между двух палочек, потому что лезвие этого ножа было раскалено докрасна и светилось, не предвещая для меня ничего хорошего. Старик вместе со старшим его сыном вновь положили меня на живот, и он сказал, обращаясь ко мне:

– Я знаю, что ты сейчас всё слышишь. Не бойся. Я напоил тебя сложным отваром из трав, который также содержит в себе яды четырех змей и скорпиона. Поэтому ты ничего не можешь сказать, ты недвижим и тебе не больно. Этот состав приготовлен мною по рецепту древних египтян, которые называли его «водою мертвых». Сейчас я, – продолжал объяснять дед, наклоняясь над самым моим ухом, – ножом вскрою тебе нарыв на спине в районе правой почки. Потому что если этого не сделать срочно, то до утра ты не доживешь. Я не желаю знать ничего о том, кто тебе нанес это изуверское увечье, но уверен, ты достоин того, чтобы тебе отбили почки. Ты ничего не будешь чувствовать еще очень долго, но ты и не потеряешь сознания. Поэтому, конечно, тебе будет немного страшно. Но боли ты чувствовать не будешь, – это я тебе обещаю. Не бойся. —

С этими словами они с сыном стали что-то делать с моей спиной, но я, как и обещал старик, ровным счетом ничего не ощущал, кроме некоторого усилия с их стороны. Голову мою

как – будто закутали в вату. Пространство вокруг нас по – прежнему оставалось вогнутым, и в голове у меня усиливался шум. Но, вспоминая свои походы к дантисту, во времена, отстоящие от нас на много эпох, в мире, которого уже давно нет, я отметил, что действия этого старика были намного гуманнее, чем в городской стоматологии с продвинутой техникой. Эти люди, решившие мне помочь по причине, мне неизвестной, по крайней мере, не потребовали с меня медицинский полис.

Тем временем, неожиданно из темноты возникла женщина, которую дед представил мне в качестве своей жены. Вид у нее был усталый. Видимо, она куда—то ходила, а теперь вернулась. Это также объясняло и то, зачем у нас горел костер на открытой местности. В пустыне нет ориентиров. Поэтому ночью в пустыне можно куда—то целенаправленно двигаться только имея своим ориентиром источник света.

Сначала она подошла к костру и обменялась несколькими краткими репликами с младшим сыном, погладив его по голове рукой, а потом сразу же двинулась к нам. Она что—то несла в нашу сторону, но я не видел что. Тем временем, операция, по—видимому, была закончена, потому что дед сказал, обращаясь к женщине.

– Прежде, чем будешь зашивать, нужно очистить рану. —

Произнеся эти слова, старик позвал жестом к себе младшего своего сына, и мальчишка, – тот, что сидел у костра, – подошел ко мне и тут же непринужденно помочился прямо мне в открытую рану. При этом женщина стояла, глядя куда—то в сторону, а старший сын старика хихикнул. И до моего слуха вновь донесся звук подзатыльника. Когда эта нехитрая дезинфекция была сделана, мать этого мальчишки стала что—то, чего я, опять же, не чувствовал, делать с моей спиной.

Больше ничего не происходило. Подождавши немного, когда мне будут наложены швы, ко мне снова подошел старик и вновь со мной заговорил. Голос его был тих, но при этом твёрд.

– Всё. – Сказал он мне. —Может быть ты будешь жить. Утром, когда ты очнешься, то, конечно, почувствуешь и боль и неудобства положения больного, оказавшегося в пустыне. Мы поможем тебе добраться до ближайшего селения, и там тебя оставим. Потому что у нас есть более важные дела, чем таскать по пустыне человека, повинного во многих и многих смертях. И кстати, – добавил он, – я удалил большой нарыв на твоей правой почке. В ней был нарыв. Кто тебя так бил? —

С этими словами он осторожно накрыл меня какой – то тоненькой накидкой и ушел обратно к костру, у которого уже сидели остальные члены его семьи. А я снова захотел спать и подумал: «Всё – таки, почему мне так спокойно в обществе этих, совсем незнакомых мне людей, которые, не спросивши у меня разрешения, режут меня ножом, предварительно напоивши разными ядами?»

Рядом со мною мирно сопел их ослик.

Глава 5. Финка

Утро. Обычное июльское утро в обычной деревне в Центральной полосе России. Слышится кукареканье неугомонного и очень клевачего петуха Маровых, мычание коров где-то вдалеке, на поле, и стрекот кузнечиков прямо под окном деревенской трехконки, которое завешено грязной марлей. Возле моей головы жужжит назойливая муха, и где то совсем рядом тихий голос говорит: «Зайчик, вставай! А то проспшишь всё Царство Небесное!»

Конечно, это бабуля уже испекла пироги. Потому что этот аромат... Ах!

Я легко, как мотылек. Я вскакиваю с соломенного матрасика, лежащего на простом дощатом некрашеном полу, и замечаю, что у меня, почему—то, ничего не болит. У меня не ноет и легко гнется во все стороны моя спина. Не ноют вечно больные ноги, и – о, Боже! – У меня во рту еще все зубы. Хотя нет, не все. Многих по—просту еще нет, потому, что они у меня еще не вылезли.

Сейчас мне десять лет.

Сон мгновенно сменяется на активный мой ритм, и я совсем не ощущаю этого перехода. Так бывает только в детстве, когда у тебя нет хронической депрессии и кучи прочих атрибутов бытия, свойственного тому возрасту, в котором детство уже вспоминается, как невозможная утрата. Как где—то позабытое счастье.

Я перепрыгиваю через рыжего хозяйского кота, который по наглости своего характера всегда лежит вдоль порога двери, ведущей прямо из комнаты через коридор избы в хлев. А там, в хлеву, где живут куры и гуси, есть то, что заменяет жителям деревни туалет. Там есть жердочка.

Бабуля извлекает из русской печки открытый пирог с черникой, которая собрана утром в сухом хвойном лесу совсем недалеко от избы, где мы снимаем комнату у простой русской тетки по имени Мария.

Тётя Маша Марова. Идет июль одна тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года от Рождества Христова. Вернее, Новой Эры, как принято было говорить в те годы.

Муж Марии, Василий Маров, только что вернулся из очередной отсидки, и поэтому храпит пьяный в соседней комнате. А мы в этом году в деревне только вдвоём с бабулей. Потому что мама всего полгода назад, в середине февраля, родила моего младшего брата и поэтому, конечно, оставалась в городе.

Я хватаю набегу кусочек бабулькиного пирога и ничем его не запивая, мчусь босиком вместе с деревенскими мальчишками в колхозный сеновал. Там уже собрано под огромным навесом достаточно свежего июльского сена первого покоса, и мы ныряем в него, как в воду, и принимаемся рыть в этом огромном ароматном миру норы и ходы несколько не хуже мышей, которых тут также достаточно.

Мы живем в этом сене почти до самого вечера. А вечером также дружно идем с самодельными луками на колхозные пруды стрелять лягушек, у которых к этому времени уже всюю начинаются песни.

Тогда в России не было движения «Зеленых», как впрочем, и никаких иных «цветных» движений. Никто из нас, тогдашних десятилеток, насколько я помню, не стал ни живодером, ни извращенцем. Да и лягушек в пруду не стало меньше.

Из всех нас я один бегал домой на обед.

Я подхожу неслышной легонькой походкой к дому, где мы с бабулькой отдыхаем, и останавливаюсь возле открытого настежь окна послушать разговор двух взрослых. Они такие разные – моя бабулька и дядька Вася Маров. Бабулька была младшей дочерью в семье православного священника, в Солигаличе, и воспитывалась с пеленок у сестер тамошнего женского

монастыря, где её отец и мой прадед, протоиерей Алексей Голубев, окормлял насельниц. Ещё до революции...

– Я тебе говорю, Василий, – слышу я голос бабули, который теперь содержит в себе незнакомые мне жесткие нотки, – Я говорю тебе, оставь мальчишку в покое.-

Слышно звяканье посуды. Должно быть, они пьют чай.

– Да что ты, Алексеевна, – слышу я теперь грубоватый и спокойный баритон Василия Марова, – я ведь к нему по—отцовски! Вот пойдем завтра за солониной с ним. Отпустишь? —

– Отпущу. – Говорит моя бабуля, – Но с условием, чтобы от тебя он не нахватался никаких твоих привычек... —

Голос её твёрд, но при этом совершенно спокоен.

– Я знаю, – продолжает бабуля, – что ты заслуженный человек, фронтовик. Да и мужик ты неплохой, несмотря на то, что сидишь постоянно. Но... Смотри мне! Никакого мата, и никаких разговоров о вашем воровском мире. Я не для того тебя в госпитале спасала, чтобы потом ты мне из внука блатного сделал! —

– Дак ... – начал-было Василий фразу, и так ее и не закончив, сказал: – Конечно, Алексеевна, конечно ... —

Мне неловко стоять и подслушивать разговор двух взрослых людей, потому, что мне с пеленок объясняли, что это нехорошо. Но речь ведь идет обо мне, и моё любопытство пересиливает.

Ничего, однако, более не происходит. И я, выждав секунду-другую, влетаю в дом для того, чтобы, быстренько перекусив, умчаться обратно к мальчишкам, которые дразнят меня «городским», совершенно не намереваясь при этом как—то обидеть.

Следующий день начинается для меня в четыре часа утра. Как раз тогда, когда становится светло. Дядя Вася, одетый, уже нетерпеливо курит, сидя на крыльчке, и дымок махорки врывается в избу вместе с утренним туманом. На нём высокие болотные сапоги, старые, выцветшие армейские брюки – галифе, зашитые уже во многих местах, и легкая ветровка поверх какой—то немисливо пестрой рубахи, не застегнутой ни на одну пуговицу.

– Алексеевна! – Ворчит Василий, – Что вы там копаетесь. Щас городские нахлынут с поезда, вытопчут лес, как кони Буденного. Только и видали тогда грибов! —

Бабуля наскоро меня обувает в детские резиновые сапожки и одевает на меня сверху болоньевый плащик, купленный по чистой случайности в Москве в «Детском Мире». Я выбегаю на улицу к Василию, а она, высунувшись в окно, крестит нас «частым крестом».

Прохладно. Роса. Легкий туман. На улице, по которой мы идём, старая соседка выгоняет свою корову, чтобы та весь день была в колхозном стаде.

– Вася! – Негромко говорит нам вслед моя бабушка. – Вася, помни, о чём мы говорили! —

– Лана – отвечает Вася сквозь набитый пирогом рот. И тут же, вступив, как водится, в коровий блин, выдает несколько слов, которые я не могу говорить вслух, потому что я еще мал.

Он шагает своими огромными шагами, а я бегу за ним, чтобы просто не отстать. Потом, уже за деревней, до него доходит, что я торможу весь процесс сбора грибов, и он сажает меня к себе на шею, а моё маленькое лукошечко суёт в свою бельевую корзину. Теперь он чувствует себя свободным, и прибавляет ходу. Ну, а я? А мне только того и надо! Я сижу на шее у Василия Марова на высоте двух метров над землей и руками кручу воображаемый руль, стараясь сообщить своему транспорту направление движения.

Я всегда знал, что у Василия и Марии было двое взрослых сыновей – Николай и Толик. Старший, Николай, утонул, переходя по льду Волгу. А младшего, Анатолия, в том же году съели волки, когда он шел домой из лесного техникума, где учился с восьмого класса. Он решил срезать дорогу, пройдя лесом. Народ в деревне говорил, что это в наказание за то, что Василий беспутный мужик, вор. А бабуля моя отговаривала злоязычников от, как она выра-

жалась, напрасного осуждения, и даже поругалась с соседкой Тонькой-медичкой до такой степени, что они обе таскали друг дружку за волосы, пока их не разлили водой подоспевшие на шум мужики.

Бабуля любила Василия. Она видела в нем что—то, чего не видел больше никто. Любила его и Мария. И ждала каждый раз, когда его сажали за очередную кражу колхозного имущества. Конечно, как я понимаю теперь, Василий Маров был больным человеком, хронически воровавшим всё, что плохо лежало. Но, с другой стороны, он прошагал всю войну от звонка до звонка в роте фронтовой разведки. И иногда, будучи в изрядном подпитии, он вспоминал фронтовые дни. И даже тут самым излюбленным его рассказом был момент, когда он с товарищами ушел «за языком» и, забравшись к немцам в избу, первым делом упёр у них все ценности.

Он смеялся, когда это рассказывал.

Он относился к воровству чужого добра, как к стилю жизни. Такому же, как, например, увлечение филателией, не видя в воровстве абсолютно ничего предосудительного.

Вот и лес.

Дядя Вася снимает меня со своей шеи и вынимает из своей корзины моё лукошечко.

– Теперь сам. – Говорит он мне. – Да смотри, не теряй меня из виду. Я по лесу не гулять хожу, а бегаю бегом. Потому что волка ноги кормят. Если только перестанешь меня видеть, сразу кричи. —

– А что кричать? – Серьёзно спрашиваю я. Он улыбается и говорит

– Просто позови меня. —

Я никогда не видел грибы в лесу. Я всегда удивлялся тому, как человек может в крошечной кочке, практически незаметной для глаза, и заваленной сверху толстым слоем хвои и прелых прошлогодних листьев, разглядеть гриб?

Через полтора часа очень быстрой ходьбы по лесу у Василия было всё, что нужно для того, чтобы с полной победой вернуться домой. Ну, а у меня в лукошечке не оказалось ничего. Потому что я бежал строго за дядей Васей. А после него в лесу грибов не оставалось.

Наконец, он остановился у большой поваленной сосны, поставил свою корзину, вынув из неё предварительно какой—то свёрток, и мне сказал.

– Щас мы сбегает с тобой на болото. Свою корзинку клади сюда – и указал ногой под сосну. Сам же он свою корзину, практически полную грибами, тоже засунул под упавшую сосну и заложил со всех сторон ветками, которые почему-то тоже очень кстати тут оказались. И мы налегке двинулись в сторону жуткого болота, имя которому Патрина топь. Там люди пропадали постоянно. Разумеется те, кто по своему слабоумию рисковал туда соваться.

Я понимал, что ходить на Патрино болото – это ровно то, что бабуля мне категорически запрещала. Да я бы и сам не посмел, потому что рассказы деревенских мальчишек об этом гиблом месте въелись в мою душу нестерпимыми ужасами. Но, что я мог сказать взрослому дядьке, который вырос в этих краях? Да он бы и не оставил меня в лесу караулить наши корзинки. Потому что в краях этих водилась и рысь, и мишки, и прочая лесная живность.

Быстро, молниеносным движением Василий смахнул с дерева длинный и увесистый сук. Затем взял меня в охапку и вновь водворил себе на шею, и сказал

– Сиди тихонько. На трясине не бойся и никак меня не отвлекай. —

– Ладно. – шепотом говорю я, и мы идём. Но уже не так, как раньше, бегом. Куда делся тот дядя Вася, который ломится по лесу, словно лось. Теперь он напоминает мне рысь, движущуюся медленно и очень аккуратно, выверяя каждый свой шаг. Палкой тычет впереди себя, проверяя прочность трясины. А трясина колыхнется под нашим совокупным весом, как палуба рыбацкого баркаса в сильный шторм, и мне страшно.

Даже сидя на шее у дяди Васи, мне страшно смотреть в черноту провалов топи, в те дыры в трясине, каждая из которых стоила кому-то жизни. Их лесники забрасывают ветками. Но новые дыры образуются снова и снова.

– Вот тут лось давеча завалился – вполголоса говорит дядя Вася даже не мне, а, скорее, самому себе. И я, повернув голову направо, с ужасом смотрю в черную дыру продолговатой формы, которую мы огибаем по большой дуге, и почти физически ощущаю боль, ужас, панику огромного и сильного зверя, сгинувшего накануне в хлюпкой бездне. Потому что я вспоминаю тот страшный, душераздирающий рёв, который был слышен третьего дня вечером.

Патрина топь...

Кто бы осмелился жить на болоте, если даже местный, ушлый и очень осторожный мужик, сумевший выжить в Великой Войне, заметно боится этого жуткого места?

Ну, разумеется, только тот, кто еще круче, чем Василий Маров, и чей шалаш внезапно возникает перед нами. Из этого шалаша струится едва заметный дымок, а меня снимают с шеи, и мои затекшие ноги моментально начинает колоть тысяча иголок.

– Стой здесь, Вовка. – Говорит мне дядька Вася. – Стой, и никуда не двигайся. А то сам знаешь! А я друга проведу. —

С этими словами он тихонько свистит, как птица, и на его свист из шалаша выглядывает лицо человека неопределенного возраста. Выглянувший мужик настолько страшен, что не будь он человеком, я бы подумал, что это и есть тот самый леший, которым меня всегда пугали местные мальчишки.

Возможно, они были недалеко от истины, потому что Василий, протянув руку болотному жителю, сказал

– Привет, Леший. – И сказал он это очень тихо.

– Привет, Колесо. – Также тихо ответил ему Леший, и я узнал, что дядя Вася имеет еще одно имя.

– Вот, – говорит Василий Лешему, протягивая ему сверток, – я тут собрал всё, как ты просил.

– Это кто? – немного резко спрашивает его Леший, кивая в мою сторону.

– Вовка, внук Алексеевны. – Отвечает Василий, и я замечаю на физиономии Лешего неподдельное уважение.

Они оба удаляются внутрь шалаша. Но, перед тем, как скрыться, Василий оборачивается ко мне и говорит шепотом

– Смотри, никуда! – И подумав секунду, добавляет – А то Леший тебя съест. – И говорит он это так серьезно, что я понимаю, что это так и есть.

Так я стою и кормлю собою полчища комаров, которые, как по команде собираются, наверное, со всего леса, специально для того, чтобы позавтракать тут мною. Мне себя до слез жалко, потому что я такой еще маленький, а эти комары такие здоровенные... Но уйти некуда, и мне ничего не остается делать, как только ждать, когда Василий – он же Колесо, – обсудит со своим другом все их проблемы.

Наконец, что—то жуя, Василий показывается из этого крошечного шалашика, в котором непонятно каким образом смогли уместиться двое огромных мужиков. Я чувствую острый запах самогонки, которую Мария Марова гнала время от времени частично на продажу, частично, для себя и мужа Васи. Вслед за ним из шалашика выбирается и Леший, уже изрядно захмелевший. Они обмениваются легким рукопожатием. Молча. Затем Леший наклоняется всем корпусом ко мне и говорит так тихо, что я едва слышу его слова. Он говорит

– Никому не рассказывай, Вовка, о том, что ты здесь видел. —

И потом также молча, мы следуем с дядькой Василием обратным путем к поваленной сосне через всю Патрину топь. Причем теперь я иду своими ногами немного впереди дяди Васи. Там, у поваленной сосны, Василий изымает из-под ствола свою корзину и, бегло в нее взглянув, говорит сквозь зубы

– С—сволочь, ворё! Барсук порылся. – И выдаёт еще пару совсем нелитературных слов.

Я также смотрю в его огромную корзину, однако, ничего не вижу в ней особенного. Грибы, как грибы. Где-то недалеко от нас лесной воришка барсук, наверное, потирает ладошки и посмеивается над нами.

Василий нагибается за чем-то вниз, потом выпрямляется и говорит мне

– Вынимай своё лукошко и айда домой. —

Я нагибаюсь, заглядывая под зеленый ото мха ствол палой сосны, чтобы забрать своё лукошко там, куда его положил дядя Вася, и замечаю совсем рядом с ним нечто блестящее, красивое. Я это беру в руку и, извлекая на свет Божий, вдруг обнаруживаю, что это финский нож.

Восторгу моему нет предела, потому что нож настоящий, с красивой наборной ручкой из оргстекла. Я протягиваю нож дяде Васе и говорю

– Вот, нож. —

– Теперь он твой. – Говорит мне Василий. – Ты же его нашел. —

Так-то оно так, да не так! Потому что нож этот совсем не мой, а забытый кем-то. И этот кто-то наверняка теперь плачет о том, что потерял такой красивый финский нож. Поэтому, наклоняясь, я кладу финку обратно под ствол дерева. Мне нестерпимо это расставание с тем, о чём тайно мечтает каждый мальчишка. Но! Нельзя. Нельзя брать чужие вещи.

– Ну, ну, ну! – Восклицает дядя Вася, глядя на то, как я, скрепя сердце, пытаюсь положить нож обратно под ствол упавшей сосны.

– Эт, брат, никак нельзя делать! – Добавляет он, и изымает нож обратно. – Ты ведь его нашел, так? – спрашивает он меня

Я молча киваю головой. Потому что нож этот нашел я.

– Вот теперь послушай, – говорит мне дядя Вася. – Нож этот теперь твой. По жизни. Потому что ты нашел то, что ненужно никому. И ты теперь этой ненужной никому вещи найдешь применение. Нож – это вещь! – Продолжает дядя Вася. – А ты взял то, что всё равно никому не нужно, и пропадет тут без дела. —

– Как же, нож никому не нужен? – Пытаюсь я вставить своё слово. Тогда дядя Вася Маров, присевши на корточки, смотрит мне прямо в глаза, и я выдерживаю этот его взгляд. Его глаза чисты, как небо, и то, что он мне говорит, настолько неоспоримо, настолько логично и настолько убедительно, что противостоять этим его словам никак у меня не получается.

– Запомни, Вовка, – говорит мне дядя Вася, глядя мне прямо в глаза и делая акцент на каждом слове,

– Нужные. Вещи. Не. Теряют. —

Он тянет паузу, чтобы до меня дошло, и продолжает. – Я вот, к примеру, не теряю же свою махорку, не теряю свои ножи и я не теряю ничего из тех вещей, без которых не могу обойтись. А ты, Вовка, никогда не потеряешь ладанку, которую тайком носишь, чтоб никто не видел, потому, что в Бога верить нехорошо. Ты её поэтому носишь тайком. И не потеряешь никогда. А если случится тебе её потерять, то ты тут же бросишься её искать везде. И будешь искать, пока не найдёшь. Ведь так, Вовка? – спрашивает меня дядя Вася, и я киваю головой. Потому что ладанка, которую мне зашила бабуля под воротничок рубахи, мне и в самом деле почему-то дорога.

– Во-о-от. – Говорит он. – Поэтому, если вещь долго валяется, и за ней до сих пор никто не пришел, то это значит, что она никому больше не нужна. И именно поэтому ты сделаешь доброе дело, если снова дашь этой вещи поработать. Теперь для тебя. Так? – спрашивает он меня.

Я не знаю, что мне ответить дядьке Василию, который ждет от меня ответа и который мне безгранично нравится. А в небе тем временем начинает погромыхивать гром, который, впрочем, еще очень слаб, чтобы застать нас врасплох.

Дядя Вася продолжает, сидя на корточках, смотреть мне прямо в глаза, ожидая, когда же до меня, наконец, дойдут столь простые и очевидные истины. А меня, как назло, заклинило.

Так же, как недавно на уроке ритмики, когда я забыл все движения вальса, которым нас учили, и стоял, как вкопанный, рядом с покрасневшей от стыда девочкой из нашего класса. Мне вот и сейчас почему-то стыдно. Я всё думаю про то, что было бы совсем даже неплохо иметь у себя такой вот нож. И при случае можно им похвастаться перед мальчишками, которые откроют от изумления рта, как только увидят у меня такой нож. Я бы даже приврал немножко. Совсем чуточку бы приврал, когда сказал бы, что нож этот мне подарил Леший в самой середине Патрина болота, куда мы ходили с дядей Василием. Я вижу, как деревенские мальчишки стоят, полные уважения ко мне, городскому. Дядя Вася тем временем снова говорит мне, почему-то переходя на шепот. Совсем как тогда, у шалаша Лешего.

– Пойми, Вовка, – говорит мне дядя Вася Маров, – что всему своё время. А каждой вещи – своё место. Это, брат, Ленин сказал! Вот, этот нож сделал кто-то, старался. И долго пользовался этим ножом. А посла то ли надоел он ему, то ли человек просто небрежный оказался, разява, что не любит свои вещи, и он пошел в лес по грибы и этот ножик забыл тут-от. И что этот фраер сделал после того, как хватился, что у него ножа-то больше нету? – Дядя Вася снова делает паузу, давая мне осмыслить сказанное им. И тут я замечаю, что вокруг нас становится как-то темно. Наверное, и впрямь, скоро будет дождик. Потому что и небо, и лес, и берёзы стали какими-то серыми, некрасочными и даже неприятными. И в лесу стало сразу же очень неуютно как-то.

– А ничего, Вовка, он не сделал. – Продолжает свой монолог дядя Вася. – Не пошел он обратно в лес найти свой нож. И плюнул на него. И уже забыл про него давным-давно. Поэтому я тебе и сказал, что нож теперь твой. Бери его смело и никого не слушай, кто тебе будет что-то там говорить про это дело. Потому что запомни, Вовка, – он снова смотрит мне прямо в глаза, и в них не отражается ничего, кроме посеревшего от туч неба. А в самых зрачках у дяди Васи качаются ветви берез, – запомни, что те, кто тебе будут говорить, что это нехорошо – брать утерянную кем-то вещь, – они тебе это говорят из зависти. Потому что сами берут прекрасно, токма не говорят никому, что берут. А после, как-нибудь, я научу тебя его метать. – Добавляет он. – Мало ли, в жизни пригодится. – И дядя Вася подмигивает мне вполне заговорщицки.

Вопрос с предстоящим метанием ножа решает, конечно, все дело, и я одобрительно киваю головой.

Дядя Вася сует финку мне за голенище правого сапога – совсем так, как и сам носит ножи, – и я уже этому рад. Потом снова сажает меня на шею, и мы движемся напрямик к дому, срезая по кривой дуге угол через колхозное поле, где коровы жуют свой сладкий клевер. Дело движется к полудню. Жарко. Парит, видимо, на грозу, и у меня начинают слипаться глаза от всех тех интересных приключений, которые выпало мне сегодня пережить. Я ходил с дядей Васей по трясине, познакомился на болоте с настоящим лешим и, под конец, нашел мечту всей своей жизни, настоящий финский нож, который теперь мой по всем законам. Потому что он перестал быть кому-то нужен и поэтому этот кто-то его потерял в лесу, и даже за ним не пришел. Какой-то человек со странным и очень редким именем Фраер.

И теперь этот нож мой по праву...

Мы с дядей Василием подходим к дому, из которого вышли за грибами в лес четыре часа назад, и устало входим в прохладу сеней. Василий так и идет в дом прямо в сапогах, чтобы сразу же сдать корзину моей бабуле для обработки. Потому что тетя Маша до позднего вечера будет на работе в поле. Сейчас время сенокоса, а грибы до вечера ждать, конечно, не будут. Я остаюсь снять сапоги и заодно спрятать куда-нибудь подальше от бабулиных глаз мой новый нож, и слышу, как в комнате дядя Вася спрашивает.

– Что случилось, Таня? —

И по тому тону, каким он это говорит, я понимаю, что что-то произошло, пока мы бегали по болоту. Сунув финку в свой тайничок, за отошедшую доску в стене сеней, я тоже вхожу в комнату и вижу, что за столом сидит моя бабуля и в руках у нее папироса. Она глубоко

затягивается дымом, втягивая его частично через ноздри. И дым этот, струясь через лучи света, льющиеся в распахнутое окно, создаёт невообразимо феерические узоры в воздухе комнаты. Ничего хорошего это не предвещает. Потому, что после того, как у бабули снова открылась язва желудка, она всё время пыталась бросить курить, и курила очень редко. Только тогда, когда что-то происходило совсем плохое в жизни нашей страны или в жизни нашей семьи.

Последний раз я видел ее курящей такой же вот «Беломорканал» ранней весной этого, тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года, в тот день, когда погиб Юрий Гагарин. Бабуля в тот день не только курила, но и плакала. А сейчас она говорит совершенно ровным голосом – Наталья умерла. —

Последняя ее сестра, которая жила в Москве вместе дядей Шурой Кирилловым, замминистра финансов в правительстве Хрущева, теперь умерла. И это значит, что наш отдых в деревне закончен.

Недолгие сборы вещей.

Пока мы собираемся, дядя Вася запрягает лошадь, которую вместе с телегой выпрашивает у соседа до вечера. Он уже сидит за вожжами, когда мы выходим из дома с чемоданом и двумя сумками, и тут я вспоминаю, что финский нож я забыл в снях, за отошедшей доскою стены. Я вскакиваю с телеги и стремглав бросаюсь обратно в дом. Бабуля провожает меня глазами, полными слез, и не спрашивает меня ни о чем. Я же, вынув нож и быстренько сунув его себе под рубаху, бегу обратно, захлопнув калитку. Прыгаю в телегу, а дядя Вася, смотрящий зачем-то прямо под хвост соседской лошади, задает мне вопрос под новые раскаты грома, которые уже значительно ближе

– Вовка, все в порядке? —

– Да. – Говорю я, и он, громко чмокнув губами, трогает лошадь с места. Нам ехать целых девять километров по проселку через сосновый бор, а потом через поле, до того места, где нас смог бы подобрать пригородный автобус. И я еще не знаю, что мне больше никогда не побывать в этой деревне, да и Дядю Василия я тоже больше уже не увижу.

Через много лет от этого дня, когда мы все вместе едем в телеге, обычным днем в середине июля, я узнаю кое – что, от своей бабули, которая будет лежать при смерти, умирая от рака желудка. Тогда, умирая, она будет рассказывать мне многое из того, что долго очень лежало камнем у нее на сердце. Расскажет она и то, что буквально через месяц от этого дня, когда мы еще все вместе едем в телеге по проселку, дядю Васю Марова арестуют в последний раз за то, что он помогал укрыться на Патрином Болоте беглому зэку по кличке Леший, с которым он когда-то давно воевал. А потом его посадят на целых восемь лет, и из зоны он уже не вернется.

Много, очень много событий произойдет в это время, в промежутке между серединой июля одна тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года и до самой бабулиной смерти, спустя шестнадцать лет. Много и хорошего и плохого, разного. Как и бывает обычно в жизни. Я за это время успею окончить школу, отслужить в армии, поучиться в институте и жениться. И многое изменится и в жизни семьи, и в жизни страны. Но сейчас еще целых два с половиной часа мы будем вместе. Моя бабуля, которая любит меня и любит Васю Марова, видя в нем не вора, а заслуженного и очень несчастного человека. Василий, который любит меня, как сына, вместо тех своих сыновей, которых он со своей женой, простой русской женщиной Марьей, потерял. И любит мою бабулю за то, что она никогда не отказывалась помогать ему, рецидивисту, видя в нем человека. И я, который любит бабулю и очень уважает дядю Василия. Такого смелого, простого и сильного дядьку.

Мы едем в телеге, и нам хорошо всем вместе быть. И я еще не понимаю того, насколько сильно изменился мир вокруг меня.

Уже изменился.

Что в жизни моей уже никогда не случатся дни, настолько солнечные и настолько счастливые, как еще сегодня утром. Потому что финский нож, который, как я пойму много-пре-

много лет спустя, принадлежал дяде Васе, и который он сам нарочно сунул под палое дерево в том самом месте, где я смог бы его легко найти. И сейчас этот нож торчит у меня за пазухой, и я этому по-мальчишески рад. Тогда я еще не понимал, что эта вот самая дорога окажется дорогой, по которой я сейчас уезжаю из детства. Уезжаю из солнечных, беспредельно счастливых моих дней, погружаясь постепенно в землю моего изгнания. Тогда я не знал, да и не мог знать, что каждый твой нравственный выбор, каждое решение твоей души, произошедшее под давлением извне, либо по собственной твоей прихоти, все это меняет мир вокруг тебя. И делает его таким, каким он должен быть для того, чтобы полностью соответствовать твоим внутренним этическим установкам. Лишь по прошествии огромного количества времени мне станет известно то, что мир вокруг тебя формируется исходя из твоих решений таким образом, чтобы максимально соответствовать твоей этике. И что в соответствии с этим Законом каждый живущий является творцом своего Рая или своего ада уже при жизни.

Мы едем под начавшийся крупный дождик, и моя бабуля говорит.

– Вася, давай споем. – Голос у нее очень хороший. Потому что она пела в церкви. А у дяди Васи нет голоса совсем. Да и слуха тоже. И поэтому то, что они творят с каким-то грустным романсом, не поддается никакому осмыслению. Но, видимо, не в том дело, что они поют не в лад. А в том, что в них есть единство, несмотря на очевидную разницу в уровне мастерства.

Мы едем в телеге, и голоса поющих вздрагивают на каждой кочке, потому что в русских телегах нет рессор. Но это ровным счетом ничего не значит. В силу того простого факта, что нам и горько, и хорошо всем вместе мокнуть под дождем в трясущейся телеге, в полдень обычного дня, в середине июля одна тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года от Рождества Христова. Или, Новой Эры, как принято было говорить в те годы.

Глава 6. Легенда о Юрии Гагарине

Тихо – тихо скрипят колеса небольшой повозки, которую тащит бедный ослик, преодолевая сопротивление упрямого песка пустыни. Ослику помогает старший сын старика. Он тянет телегу за конец прочной и толстой веревки, перекинув свободный ее конец через своё левое плечо. И по тому, под каким углом к поверхности земли находится его тело, я понимаю, насколько тяжелый труд он на себе несёт. Старик, держа за руку своего младшего сына, устало шагает справа от телеги. А с левой её стороны молча идут две женщины. В одной из них я узнаю знакомую уже мне жену старика, которая несколько часов назад зашила мне спину после того, как старик основательно в спине моей покопался. А другая женщина много старше первой, приземистая, коренастая, с большими руками, перевитыми жилами, и удивительно добрым выражением глаз. Она напоминает мне мою бабушку.

В телеге лежу я. На соломе, лицом вниз. И у меня по-прежнему еще нет сил, чтобы просто пошевелиться.

Я еще не вполне отошел от того питья, которое мне приготовил старик прошлым вечером для того, чтобы прямо в пустыне сделать мне операцию на моей правой почке. И это, я скажу прямо, мне совсем не понятно. Такие операции делают в стационарах, оснащенных хорошей техникой, а не в пустыне, на грязной циновке, под ветром, несущим пыль. Непонятно мне и то, зачем им вообще понадобилось меня спасти? Похоже, что старик уже давно догадался о том, кто я такой. Так как он сам мне об этом вчера намекнул, назвав меня человеком, «...повинным во многих и многих смертях.»

Как-нибудь я у него спрошу об этом. Но сейчас, когда на меня постепенно наваливается боль, – ибо действие наркотика уже почти закончилось, – мне не до вопросов.

Повозку, в которой меня куда-то везут, еще вчера вечером прикатили прямо по пустыне две женщины, которые теперь идут по левую сторону от меня. С утра до вечера, пока я был без сознания, от того момента, когда они меня нашли в пустыне умирающим, и до того момента, когда старик не закончил надо мной свою экзекуцию, жена его ходила в какое-то селение, которое было, очевидно, недалеко, и вместе со второй женщиной притащила по пустыне двухколёсную тележку вместе с сеном для ослика.

И всё это, очевидно, из-за меня.

Поэтому меня просто гложут вопросы. С какой такой стати им было меня спасти ценой стольких усилий? Тем более, если они знают о том, кто я такой.

Ближе к селению телегу начинает здорово трясти. Вероятно от того, что песок уже кончился, и мы теперь едем по укатанному грунту. Эти кочки отдаются у меня в спине нестерпимой болью. Я начинаю довольно громко стонать, и старик вынужден остановить всю нашу процессию.

Старший его сын и ослик с удовольствием останавливаются, а мне краешком глаза видны самые окраины небольшого селения, до которого, впрочем, еще довольно далеко.

Уже совсем рассвело. Старик подходит ко мне и говорит

– Сильно болит? —

– Да. – Отвечаю я каким-то хриплым, незнакомым мне голосом.

Старик начинает рыться в повозке, у меня в ногах, и извлекает оттуда плотно закупоренный глиняный сосуд. Открыв зубами пробку, он подставляет мне горлышко этого сосуда прямо ко рту и говорит.

– Это не то, что было вчера. Пей, не бойся. Боль пройдет, а ты снова поспишь. – И в его голосе я слышу столько тепла, что мне вспоминается мой отец и хочется плакать.

Но, мне понятно, что даже, если бы я не попросил пить, старик всё равно напоил бы меня тем, что он мне сейчас предлагает. И на его месте, я поступил бы точно также. Потому, что

спящий человек не станет отвечать на массу неудобных, а, может быть, и опасных вопросов, которые неизбежно возникнут, как только мы въедем среди бела дня в селение.

Кочки, кочки, кочки... Когда-то давно я искренне полагал, что плохие дороги есть только у нас, в России, а не на южных окраинах дохристовой Идумеи, по дорогам которой мы катаемся нынче.

Впрочем, для меня эти места уже давно стали если не родными, то, по крайней мере, своими. Я здесь уже почти двадцать лет. После того, как...

Меня снова начинает клонить в сон. Однако мы еще стоим, никуда не двигаясь, потому, что старик ждет, пока я усну, не желая мне боли на неровностях грунта. Да и его спутникам нужен отдых. Поэтому, решив использовать возникшую паузу, я задаю ему вопрос

– Послушай, отец, – говорю ему я, – ты упомянул имя человека, о котором мне хотелось бы узнать. Если это можно. —

– О ком? – Устало интересуется дед.

– Помнишь, когда я соврал тебе, что я из Хель—Баллузы, ты сравнил себя с э... – Тут я тяну паузу, как бы вспоминая что-то. Я всё жду, когда старик продолжит мою мысль, назвав имя Юрия Гагарина, которое я якобы забыл. Но хитрый и старый ворчун тоже тянет паузу, ожидая, когда же, наконец, у меня сдадут нервы.

Я не сдаюсь. И тогда старик говорит

– Ты только подтверждаешь мои самые худшие опасения в отношении тебя. Ты не только не тот, за кого себя пытаешься выдавать, но, как теперь мне понятно, ты вообще не отсюда. И поэтому я всё больше убеждаюсь в справедливости людей, утверждавших, что ты – главарь шайки грабителей и убийц, – настоящий шайтан. Ты – не из нашего мира. Я не знаю, откуда ты здесь и когда появился, – продолжает дед, – но у нас каждый ребенок на тысячи лиг вокруг знает легенду о Юрии Гагарине. – Тут он умолкает. Молчу и я, потому что сказать мне по сути, нечего.

– Я вырос за океаном. – Говорю я ему, наконец. – Может, поведаешь мне эту легенду?

– Слушай, Гафур, – с усмешкой отвечает старик, – я уже начинаю жалеть о том, что мы тебя спасли. Потому что легенду о единственном в мире человеке, который мог летать, потому что его отец, Королёв, сделал ему железные крылья и научил его летать прямо по небу, между звезд, эту легенду принесли нам люди с севера. Из-за океана. А значит, ты снова нам врешь, говоря, что ты тоже из-за океана. Все твои слова – ложь от начала и до конца! – И с этими словами гневный старик сплюнул в песок. – Вы тут появля-а-етесь время от времени! – Гудел дед, как потревоженный пчелиный рой. – Всё ходите тут в ваших странных одеждах, везде лезете со своими поученьями! Всех развращаете своими лживыми рассказами про то, чего не может быть. А еще на вас эта грубая и неудобная обувь, которая и выдает вас всякий раз, когда вы мне попадаетесь на глаза. – С этими словами разгневанный дед дернул меня за ботинок. – Что это за обувь такая? – Задал он мне вопрос о моих армейских ботинках. Они хоть и поизносились за прошедшие три года, как я снял их с какого-то убитого в стычке с нами человека в очках, как у Джона Леннона, но были еще вполне годны.

– Правы пророки! Видно и впрямь конец света уже близок – продолжал дед, – раз все большее число демонов проникает в наши края, соблазняя и совращая наших людей своими безумными рассказами. —

– Конечно! – Повышаю голос и я, настолько, насколько это мне позволяет моё болезненное состояние. Я уже давно ни с кем не ругался, и представившуюся возможность я упустить не хочу.

– Как же, как же! – Восклицаю я исчезающе тихим голосом. – Все вокруг хорошие, а я один плохой! Ты-то сам, что не лжешь мне? – Говорю я в адрес старика слова, которые должны быть очень для него обидными. Я даже пытаюсь повернуть к нему лицо, рискуя вывихнуть себе шею. Но этого делать и не нужно, потому что вконец разгневавшийся дед сам во мгновение

ока оказывается у меня перед глазами. Он смотрит мне в глаза с очень близкого расстояния, и глаза его имеют опасный прищур.

– Говори, говори. – Шипит мне в лицо дед. – Мне даже интересно! —

Это мне и нужно. Я к этому именно и клонил, пытаюсь вытащить старика на откровение. И поэтому я говорю ему очень спокойно те свои соображения, которые я уже выносил в своей голове. Которые я уже четко сформулировал, несмотря ни на боль, ни на слабость, ни на то, что был под наркотиком.

– Ты сам лжец. – Говорю я несчастному старику, которому будет очень непросто пережить то, в чем я намерен его сейчас же уличить. Мне очень нужно выровнять счет в этом матче под названием «Игра в плохой – хороший». Потому, что я очень не люблю, когда мне начинает читать лекции по этике человек, у которого тоже есть скелеты в шкафу.

– Ты мне соврал, говоря, что та женщина – я взглядом покосился в сторону его жены, – которая годится тебе в правнучки, что она твоя жена. Это – раз. Ты мне солгал, что эти мальчишки, что вместе с тобой – твои сыновья. Потому, что если та женщина – твоя жена, – то она не может иметь сына, старше себя по возрасту. Это – два. И ничего мне не говори о том, что я плохой человек, потому, что скрываюсь тут, в пустыне от властей. Потому что ты сам скрываешься тут в пустыне, идя песками в то время, когда рядом есть неплохая дорога. Это – три. Ты идешь в пустыне, не щадя свою семью, в течение дня. А ночью, – продолжал я укорять несчастного старика, – а ночью, когда никто не видит, ты гонишь эту женщину, про которую ты мне солгал, что она твоя жена, ты её гонишь в селение за едой для тебя и даже за сеном для ослика... Не поступают так с женой. Поверь мне! Я женат. Я знаю! Я бы повелся на твое вранье, если бы ты мне сказал, что она – самая нелюбимая из твоих наложниц. Но ты упорно продолжаешь мне врать, что она тебе именно жена, а не рабыня и не служанка. Ты тоже не тот, кем хочешь, чтобы я тебя считал. И твоя чалма на голове не сделает тебя жителем пустыни. И знаешь, почему? – Спрашиваю я старика, который сопит, словно разгневанный бык. – Потому что ни один житель пустыни, ни за что и никогда не сделает такой глупости, как кататься по пустыне на этом несчастном ослике, для которого здесь нет ни корма, ни воды. Это – четыре. И, наконец, перестань судить о том, до чего ты еще не дорос умом, несмотря на весь твой почтенный возраст. Потому что те люди с севера, о которых ты говоришь, как о каком-то сброде, нисколько тебе не наврали, говоря о Юрии Гагарине. Я знаю это точно, потому, что когда Юрий Гагарин полетел к звездам, мне было три года. И мне было десять лет, когда он погиб, пробуя летать на новых крыльях. Он погиб потому, что новые крылья ему сделали совсем другие люди. Потому что его отец, Королев, к тому времени уже умер. Ты судишь о том, чего не можешь в себя вместить. – Сказал я. – Это – пять. И, наконец, последнее. Ответь мне, зачем твой старший сын хочет казаться подростком, тщательно сбывая свою бороду? Он тоже, как и все вы, не тот, кем хочет казаться.

С этими словами я умолк, ожидая эффекта. И эффект не замедлил себя ждать. Потому что мне на голову опустил молот кулака этого могучего деда, и всё вокруг померкло.

Глава 7. Вопросы

Очнулся я в очередной раз, лежащим на очень мягком тюфяке возле одной из стен маленького и уютного дворика почти квадратной формы и был очень удивлен тому, что я все еще жив. Дворик этот был настолько чист и ухожен, что я бы никогда не подумал про то, что в паре километров отсюда уже начинаются пески бескрайней пустыни, которым нет конца. Пустыни, которая тянется на юг отсюда до самого конца Аравийского полуострова.

Стены, огораживающие двор и дом, в котором я оказался, были высоки. И это говорило мне о том, что здесь живут зажиточные люди. На противоположном от меня конце двора был вход внутрь дома. Этот дверной проем, лишенный двери, был завешен красивой и плотной тканью, немного колышущей под редкими наплывами вечернего ветерка. А сверху, над моею головой раскинулись еще неспелые гроздья винограда. Эта лоза обвиняла массивные деревянные перекрытия, которые шли прямо поперек всего двора, создавая хозяевам глубокую тень в жаркие дни. Рядом со входом в дом был каменный сосуд для мытья ног. И по этому я понял, что приютила меня семья иудеев. Это было неплохо. Потому что из всех народов, проживавших на относительно скромной территории суши, где разбойничали мои молодцы, только иудеи имели очень строгие правила поведения, регламентируемые их религией. Это именно и делало иудеев людьми очень и очень предсказуемыми. С таким народом всегда проще вести дела. И кроме всего этого, только от иудеев практически всегда можно было откупиться банальными деньгами, если разговор на иных уровнях заходил в тупик.

Стена дома в моем изголовье была глухой, имеющей лишь одно крошечное оконце довольно высоко от земли. Такой же была и стена, вдоль которой вытянулось мое тело. Я понял, что за этими стенами находятся хозяйственные, нежилые помещения. Наконец, стена двора в направлении моих ног имела в центре себя высокие, запертые ворота. Рядом с воротами была будка. Возле будки стояла огромная миска, более похожая на маленькое корыто. А из будки доносился чей-то низкий и очень громкий храп.

Я проверил свои оживающие чувства на предмет наличия тревоги, и к своему удивлению опять ничего не обнаружил.

Каким-то непостижимым образом все то, что происходило между мной и людьми, спасшими меня, никак не пробуждало во мне ни малейшей тревоги. И даже тогда, когда странный дед меня уложил сокрушительным ударом, это не стало для меня чем-то обидным. И это отсутствие обиды тоже было очень и очень странным. Я понимал, что со мной – с самого того момента, когда эти люди нашли меня в пустыне, – происходят вещи, в которых я все меньше и меньше стал ориентироваться. Я чего-то явно недопонимал. Что-то такое, чего я не мог сформулировать в своем мозгу и поэтому, не мог облечь в строгие логические формы речи, это что-то было поражаемо непониманием ситуации. Потому что люди, рядом с которыми был я в течение последних полутора суток, вели себя алогично. Они вели себя неправильно. Я мог сказать, что ни в моей прошедшей жизни, длившейся более сорока лет в мире, который я покинул, да и не в этой жизни, я не встречал людей, поведение которых настолько выходило бы из общепринятых норм, что это делало пришельцами именно их, а не меня. При всем этом я несколько не сомневался в том, что и сам старик, похожий на отца нашего, Авраама, и все его домочадцы, являются именно местными.

Многое не сходилось во всем этом. И это было единственным, что меня беспокоило. Потому что я привык к практически полному пониманию людей этого мира, где я каким-то образом очутился двадцать лет назад. Моя подготовка и умственная, и физическая давала мне фору в отношении практически каждого местного жителя. За исключением только одного-единственного человека по имени Гангр. И сейчас я очень рассчитывал на то, что этот человек погиб вместе со всей моей командой.

В те редкие моменты, когда ветерок изменял свое направление, из дома до меня он доносил запах жареного мяса, приправленного специями. И, поскольку к настоящему моменту времени я не ел уже более четырех суток, если не считать одной змеи и нескольких крошек брынзы, вдыхание этих ароматов стало для меня настоящей пыткой.

Я лежал и смотрел на завешенный дверной проем, ведущий прямо к вкусной пище. Но я не мог встать и пройти туда. Я был еще слишком слаб. Во время одного из острых приступов голода, мучивших меня, штора приоткрылась, и я вновь увидел маленького мальчишку, который очень внимательно на меня посмотрел и тут же снова скрылся в доме. Это, конечно, означало, что сейчас ко мне кто-нибудь выйдет. Однако время шло, а я так все лежал и лежал в полном одиночестве, забытый всеми. Меня это расстроило настолько, что снова захотелось плакать. Совсем как в детстве, когда я стоял на болоте и кормил собой полчища комаров, ожидая пока один очень серьезный дядька наговорится со своим другом. Наконец, появился старший сын старика и подошел ко мне.

– Привет. – Сказал он мне, и я в ответ кивнул головой. – Мать тебе готовит еду. – Продолжал он. – Тебе сейчас нельзя есть, то, что у нас на столе. —

Я это понимал и сам. Поскольку прошло чуть менее суток с того момента, когда дед с этим самым парнем произвели надо мною прямо в пустыне хирургическую операцию.

– Потерпи еще немного. – Вновь сказал мне этот человек, и я обратил внимание на то, что теперь его лицо приобрело характерную синеву в области обеих щек, подбородка и шеи. Я не сдержался и громко хмыкнул. Парень же этот добродушно мне в ответ улыбнулся и ушел в дом. А я подумал о том, как я смогу предстать перед неизвестным мне числом неизвестных мне людей, которые могли оказаться в этом гостеприимном месте? На мне не было ничего из моей одежды. Меня, пока я спал, раздели, разули, помыли и положили тут во дворе на мягком тюфячке, прикрыв сверху чистым плотным покрывалом из чистого хлопка. Это все дорогого стоило. А особенно дорого стоило само это покрывало, которым меня накрыли. Потому, что после меня им его придется выбросить. У меня все еще кровоточила рана на спине. И эти жертвы были очередным фактом, не вязавшимся никак с тем, что я привык ожидать от знакомых мне людей. Впрочем... Может быть я плохо знаю жизнь?

Я лежал и думал о том, что вот именно сейчас мне лучше всего было бы поспать. Потому что муки голода стали нестерпимыми. Однако сон не шел, а мучившие меня апокалиптические видения про то, как я умираю здесь, так и не дождавшись пищи, эти мои видения только усиливались. Наконец, что-то в доме стало происходить. Послышались голоса, и из дверного проема в мою сторону направились двое. Одним из них был мой знакомец, старик, вырубивший полдня назад меня хуком справа. Второй же был примерно моего возраста – лет около сорока. И звали его Иосиф. Потому что к нему обратился дед, назвав его по имени, когда попросил что-то принести. И пока Иосиф куда-то ходил, старикан этот даже не взглянул в мою сторону. И было заметно, что делает он это вполне демонстративно.

Между тем, показался Иосиф, несший две длинных жерди, и они вместе с моим стариком быстро пересекли двор.

– Мир тебе. – Сказал Иосиф-младший, обращаясь ко мне. – Сейчас мы отнесем тебя внутрь дома. Там, конечно, намного жарче, чем здесь. Но с юга движется песчаная буря. Так что я убираю со двора всех, кто не сможет это пережить, включая и моего пса. Его зовут Бадж. Он совершенно безобиден. Хотя, может показаться несколько крупноватой собакой. Так что, когда вы окажетесь вместе в одном помещении, не бойся. —

С этими словами он вместе с дедом стал подсовывать под мой тюфячок жерди, а когда они это сделали, то взялись за них и, легко меня подхватив, понесли в дом.

Мы пересекли целый ряд небольших комнат, и я обратил внимание на то, что в этом доме оказалось намного больше народу, чем мне бы хотелось. Все они смотрели в мою сторону с нескрываемым любопытством, и это было, конечно, очень плохо. Многие из них кивали

мне. А некоторые качали головой, что было выражением порицания. Из чего я заключил, что мне всего лучше было бы, все же, умереть в пустыне. Я не питал иллюзий по поводу человеческой природы. Конечно, и старик, и все члены его семьи, проявили в отношении меня чудеса милосердия. Возможно так же и то, что Иосиф, который был хозяином этого зажиточного имения, тоже поступит со мною так, как я никогда бы не поступил с ним. Но среди всех этих людей, которые смотрели на меня, – я это знаю точно, – обязательно окажется кто-нибудь, кто меня сдаст властям при первом же удобном случае. А потом придут воины в красивых кожаных доспехах и латах и арестуют меня. И будет очень хорошо, если они меня убьют сразу же по выезде из этого поселка. Потому что если меня отправят на допрос к местному легату, то моя предстоящая кончина будет долгой. Слишком долгой...

Между тем, меня, наконец-то положили на земляной пол в хлеву, как я и ожидал. Кудахтали всполошенные куры, а самом конце хлева я увидел того самого очень грустного ослика, который теперь жевал сено и выглядел значительно более счастливым, чем тогда, в пустыне. Хозяин куда-то вышел, а со мной остался старик. Мы остались в хлеву одни, и он, наклонившись ко мне, посмотрел мне прямо в глаза.

– Мы здесь застрянем на время, пока не кончится буря. – Сказал мне он. И в словах старика я не расслышал ноток радости.

– Сейчас моя жена тебе даст поесть немного из того, что тебе можно. А насчет этих людей?... – Тут он постоял и помолчал с минуту. – Ты ведь знаешь, что тебя сдадут властям. И нас вместе с тобою. Хозяин дома – продолжал рассказывать старик, – мой давнишний и очень преданный друг. Ни он, ни члены его семьи никогда бы нас не предали. Но в этом жилище собраны люди, не имеющие крова над головой. И их Иосиф не мог оставить вне стен своего дома в то время, как с юга к нам летит смерть... Они тебя видели. Многие тебя узнали. Поэтому, к исходу бури ты должен будешь умереть. Естественной смертью. Так, чтобы каждый подумал, что ты не пережил болезнь. Только будучи мертвым, ты не понудишь никого бежать с доносом к легату местного легиона. Потому что, нет человека – нет и проблемы. – Высказал старик древнюю мудрость.

Он стоял и смотрел на меня совершенно спокойным взглядом. Так, как будто рассказывал о моей предстоящей смерти не мне, а кому-нибудь постороннему. Тем временем в хлев к нам вошел хозяин дома, тащивший на длинной цепи какое-то чудище, которое рычало и упиралось всеми четырьмя лапами, явно не желая поменять свободу двора на застенки хлева. Это чудище посмотрело на меня и пискнуло, как котенок. И глаза у него были добрыми и очень грустными.

– Иди, иди уже, порождение ехидны! – Ворчал Иосиф в адрес чудища. – Вот ведь глупый пес! Не понимает, что снаружи его просто высушит до костей Дыхание Кара—Юла. —

Я знал, что такое Дыхание Кара—Юла.

Это такой ветер. Он налетает на земли Южной Идумеи внезапно, формируясь в самом центре Аравийской пустыни. Это то, от чего нет спасения, если только ты не успел укрыться в надежном помещении. Это такой ветер, который летит со скоростью скорого поезда. Он имеет температуру порядка шестидесяти градусов по Цельсию и нулевую влажность. Поэтому, когда он повстречает тебя на своем пути, то через час превращает тебя в совершенное подобие египетской мумии, высушивая тебя именно до костей. Как правильно и сказал о том Иосиф. После соприкосновения с этим ветром, во всем живом не остается никакой влаги. Но ты, конечно, умираешь гораздо раньше. От перегрева и обезвоживания. Ему не может противостоять никто.

Поэтому мне, конечно, было понятно то, почему хозяин этого имения собрал у себя в доме столько народу. Я полагаю, здесь им были собраны все местные бомжи.

Когда Иосиф надежно прикрепил собачью цепь к стене своего дома, то он повернулся и, не попрощавшись, нас покинул. А молчавший все это время дед, снова заговорил со мной.

– Поэтому, – продолжал старик, – ближе к концу урагана я тебе дам три глотка Воды Мертвых. Тебе ведь уже известно, что ты будешь выглядеть снаружи и впрямь как мертвец. Ни чувств, ни движений, ничего. Потом я с Иосифом тебя, умершего, вынесу у всех на виду за пределы поселка и там предам земле, как собаку, без соблюдения обрядов.

– Спасибо. – Сказал ему я. – Я думал, что ты просто меня задушишь.

– Пожалуйста. – Парировал дед и продолжал. – Это все нужно для того, чтобы во-первых, люди видели, что разбойник Гафур подох, как собака, несмотря на то, что равви Иосиф пытался этого Гафура спасти исключительно с целью предать его властям на праведный суд. А во-вторых, негоже хоронить, как человека того, кто причинял в прошлом столько бед окрестным землям. Это все станет известно местным властям, которые будут только благодарны нам за то, что, наконец-то, мир избавился еще от одного демона. – Он умолк, внимательно вслушиваясь в тишину за стеной дома.

– Но это ведь еще не все, что ты хотел бы мне сообщить? – Спросил я старика.

– О! Конечно же! – Воскликнул он, и в глазах его снова загорелся огонь. – Я бы с превеликим удовольствием отправил тебя к твоим демонским праотцам прямиком в ад, где тебе и место! Да вот только не могу этого сделать! —

– Отчего же так? – Стал заводиться и я.

– Оттого же! – Выпалил мне в лицо старик. – Потому что Он... – И тут старик поднял вверх свой крючковатый указательный палец. – Потому что Он не разрешает мне этого. —

Мне было понятно, что старик совсем тронулся умом. Я еще из прежней своей жизни, из совсем иного мира, мира, который я до сих пор безгранично любил, оттуда извлек я одно золотое правило, которое гласило: «Если ты разговариваешь с Богом, то это – молитва. А если Бог разговаривает с тобой, то это – шизофрения». Было понятно, что у деда просто поехала крыша, как говаривали у нас. И он слышит какие-то голоса, про которые думает, что это к нему обращается Сам Бог. Я насмотрелся и там, и тут как на сектантов, доведших себя до совершенного безумия, так и просто на изначально больных людей. И этот дед – он был совсем не первым человеком в моей жизни, кто утверждал, что ему что-то там повелели делать голоса свыше. Причем каждый, кто слышал эти голоса, почему то всегда приписывал их Богу? Как будто из иного мира с человеком и поговорить-то больше некому?

– А потом, – продолжал свою мысль старик, – потом мы тебя откопаем. Вылечим. Поставим на ноги. – Он чеканил каждое слово. – И дадим тебе шанс начать совершенно новые дни. Легально. Потому что все будут знать, что разбойника Гафура больше в этом мире нет. Так же, как уже нет в живых и его паскудных сообщников. Людям даже будет известно то место, где ты похоронен, чтобы каждый желающий мог туда прийти и от всего сердца помочиться на твою мертвую голову! —

С этими словами гневный и очень милый этот дед прекратил свою речь, уступая место женщине, которая к моему несказанному счастью принесла миску с горячей, жидкой кашей. Умолк и я. Потому что меня стали кормить кашей с ложечки. Совсем как в детстве.

Глава 8. Большие Нули.

«Есть упоение в бою.

И жизни этой на краю,

И в разъяренном океане,

Средь грозных волн и бурной тьмы,

И в аравийском урагане,

И в дуновении чумы...»

Я лежу, закрыв глаза, впервые за последние несколько дней вкусив пищи. Я лежу, закрыв глаза, под вой аравийского урагана, не на шутку разыгравшегося за стенами одного очень госте-

приимного дома, стоящего на самом краешке обжитых земель, за которыми начинается царство бескрайних песков. На соломенном своем матраце лежу я и вспоминаю день, когда раздался тот самый, странный звонок от одного моего старинного друга. Что и изменило всю мою последующую жизнь. И, возможно, не только мою.

Я часто вижу это и во сне, и наяву.

Видимо, до сих пор не дает мне покоя что-то, чего я не в силах понять, как ни стараюсь...

В середине июня две тысячи третьего года мне утром позвонил один мой школьный товарищ, Михаил. Он жил в Питере, но приехал в город, где жил я, погостить к своим родителям. Обычное дело. Он поступал так каждый год. Даже тогда, когда в отпуск уезжал поколесить по Европе с женой. Даже и в те годы, он изыскивал время и средства посетить родителей. В отличие от меня. Я к своим предкам относился совсем иначе. Когда у меня умерла мать, не переживши второго инсульта, то отец, который после ее первого инсульта не отходил от ее постели почти семь лет, сразу же избрал для достойного окончания своих дней тот путь, о котором, – я это знал всегда, – он мечтал очень и очень давно. Он ушел послушником в Святогорский мужской монастырь, что на самом севере Донецкой области, на Украине. Старый шахтер по природе своей был трудоголиком и поэтому, послушания монастырские – это было ровно то, что он желал бы делать в жизни, довольствуясь при этом минимумом благ.

Это был его путь.

Мне он писал письма, исполненные боли за меня, мою семью, и я всегда знал, что молитва старика, любящего своих чад – это и есть та самая великая сила, которая спасает как тех, о ком молятся, так и самого молящегося. Поэтому, я был спокоен, как за него, так и за себя. Мне почему-то казалось, что если за меня кто-то от всего сердца молится, то мне, в принципе, можно и расслабиться немного. И я расслаблялся. О! Можете мне поверить, я расслаблялся!

Я не собираюсь здесь заниматься самокопанием, которое обычно называют исповедью. И не то, чтобы я не верил в действенность раскаяния. Но, просто на себя этот костюм я не примерял. И скажу, чтобы было понятно, что я в самом широком смысле был дитя своего времени. Да. Мне нравилось мое время, где я жил со своей семьей, и те свободы, которые нам на голову свалились в конце множества разных перестроек. Поэтому, конечно, путь, выбранный отцом, был мне совсем непонятен. Но, с другой стороны, это был его выбор. Я же никогда не чувствовал себя человеком верующим во что-то там... По образованию, да и по образу мышления, я был всего скорее, гностиком. Да и непонятны мне были люди, сознательно бегущие от демократических свобод в области самых разных ограничений, свойственных монастырским уставам.

Эти мои взгляды, конечно, были понятны отцу моему, который знал меня лучше, чем знал себя я. Как и я знаю своего сына лучше, чем он себя знает. В нормальных семьях такое положение вещей является чаще правилом, чем исключением.

Отец мне периодически слал письма.

А я их читал и ревел тихонько, чтоб никто не видел из домашних. Потому что это были не письма, а крик души, умолявшей меня, души, просившей меня, души, любящей меня. Каждое письмо было укором моему образу жизни в том мире, где разрешена была любая вера. В мире, где свободы были доведены до абсурда. В мире, который в силу именно этих свобод бескрайних, как та пустыня, что сейчас за стеною дома, был миром абсолютно постхристианским. Если не сказать, антихристианским.

Я ничего не смыслил во всех этих рассуждениях, о каком то спасении чего-то, про что я не мог с уверенностью сказать – есть она – эта душа, – или же это все игра ума в стиле Авенариуса, Юма и Маха?

Проблема отцов и детей, скажете вы?

Оно так. Но, как сказал однажды мне один иеромонах из того самого Святогорского монастыря, когда мне случилось там побывать со своей женой, этот иеромонах мне сказал среди

прочего: «Нет проблемы детей. Есть проблема родителей». Тобишь, только отцов. За исключением только очень редких, хронических случаев генетических безобразников, во всем остальном как ты ребенка воспитаешь, таким он и будет.

Конечно, я был рад за отца, что он хотя бы под занавес своих дней живет в мире с собою. А его письма? Его письма – это было то, с чем я никогда не расставался. Я купил в местном универмаге, у себя в городе, кожаную сумку «а—ля почтальон тридцатых». Дорогую, под стать содержимому. И в этой кожаной сумке держал отцовские письма, которые перечитывал часто. Чем-то они меня трогали помимо того, что я испытывал к отцу сыновние чувства. Было в них нечто такое, что нельзя определить словами. Не богословие. Не литература. Вероятно, любовь. Да, Любовь. Это тоже то, что либо есть, либо ее нет, любви этой. И даже не то меня держало внутри текста, что я чувствовал вполне естественную любовь моего отца ко мне. Но, нечто гораздо большее, чем просто родственные чувства, всегда на меня действовало, заставляя и плакать, и переживать какие-то совершенно новые для меня ощущения, и чувства пре-странные. Незнакомые, тревожащие чувства. И они не притуплялись при прочтении текста снова и снова, как это бывает с любым текстом. Прочтите какое—нибудь слово тысячу раз, и увидите, что вы перестали понимать, что это слово обозначает. Но в них, в письмах отца, было то, что не терялось при многократном прочтении и то, чего не прочтешь ни в одном интернете, нигде. В них чувствовалась любовь отца к Богу. Но, что еще более сильно сквозило через все его письма, так это, как ни странно, наличие в них любви Самого Бога к человеку. Они, эти письма, были написаны так, как если бы со мной общался не отец мой земной, а Отец мой Небесный. И это мистическое насыщение было тем, про что когда-то сказал Христос: «Аще соль обуяет, чем осолитесь?» Вот именно это не давало мне покоя. Потому что я как-то понял, что если только из писем отца убрать именно эту соль, то останется просто «неформатированный» текст, который хоть и исполнен всякого плача по мне, но меня ни за что бы не тронул.

Знаю я это. Знаю.

И потому я держал письма его у самого своего сердца, что от них исходило такое тепло и такая любовь, как-будто они были написаны не смертным человеком, но Бессмертным Духом, про которого иные говорят, что Он и в самом деле есть...

Так вот, в один из жарких дней июля, года две тысячи третьего от Рождества Христова, звонит мне домой Мишель и говорит в телефон такие слова

– Слушай, – говорит он мне в телефон, – а не сгонять ли нам на природу деньков, этак, на парочку? —

– Отчего же не сгонять? – Говорю я ему. – Очень даже можно и сгонять. —

Жены наши с нами ехать отказались категорически. А вот сын мой сразу же согласился. И как-то сразу весь вопрос решился легко и просто. Даже странно, насколько все просто решилось.

Ну вот. Стоим мы на разных концах трубки, болтаем. Не виделись, все-таки год. И Мишель так это, между прочим, просит меня

– Слушай, – говорит он мне в телефон, – Давно хотел тебя спросить. – И замялся даже он как-то при этих словах.

– Ты с собой возьмешь письма твоего старика? – Говорит он мне в трубку.

– Конечно. – Говорю ему я.

– Хорошо. – Отвечает он мне, и я не могу понять, почему ему хорошо от того, что я беру с собой совершенно личные вещи?

– Возьми и тот старый видеокассетный магнитофон, который от твоего ФЭДа остался. И еще возьми с собой одежду и обувь типа как на холода. – Говорит мне в трубку телефона мой друг. – И финку свою фирменную не забудь. —

– На к-кой хрен? – Вырвалось у меня. – Жара за тридцать! —

– Возьми, возьми, – талдычит он мне, – и я понимаю, что не отстанет он от меня.

– Как насчет рыбок? – Снова спрашивает он.

– Так же, как и обычно. – Отвечаю я ему. И это означает, что возьму я с собой очень оригинальные «удочки», сделанные из одного очень распространенного удобрения, алюминиевой пудры и угольных таблеток из аптеки.

– Ладно. Не переживай. Возьму все, так и быть. – Говорю я, вспоминая о том, что весь этот ненужный летом хлам может потаскать на себе и мой сын, который едет с нами. И поэтому я к утру следующего дня собрал вполне солидный рюкзак, где лежало все необходимое для двухдневных путешествий куда угодно – от тропиков до полюса.

Утром за мной зашел сын. Тоже с приличным рюкзаком. И мне не оставалось ничего иного, как, посылая все к такой-то матери, тащить свою поклажу самому.

Воскресенье. Люди мчатся кто-куда, лишь бы до жары успеть все свои дела приделать. Да и нам идти недалеко до автовокзала, с которого мы намереваемся на пригородном автобусе проехавшись, быть через сорок минут у берегов одной расчудесной речушки с названием Колокша.

Выходим из подъезда с сыном и идем неспешной походкой по теневой стороне центральной городской магистрали с названием проспект Ленина. Шум, гам, говорим о чем-то несущественном. Я достаю из кармана совсем новенький мобильник и набираю Михаила.

– Ты где? – Спрашиваю я у него.

– Пересекаю Ломоносова. – Отвечает он. И это означает, что ровно через один квартал мы выйдем из пересекающихся улиц на общий перекресток, где и встретимся.

Но вот что-то как-то не так становится. То ли жара достает, несмотря на утро. То ли опять сосуды больные тревожат. Но только как-то беспокойно мне на душе. Очень беспокойно. Мы еще продолжаем с сыном говорить о чем-то, как вдруг я замечаю, что и у него на лбу испарина и зрачки расширенные. Страх у него на лице. Мы продолжаем идти этот коротенький квартал, но уже молча. Потому что все наше внимание теперь приковано к тому, чего здесь быть никак не должно. Я еще не понимаю того, что же здесь в городе стало лишним? Как вдруг сын мой останавливается и мне говорит

– Пап, – говорит он мне, – куда вдруг все подевалось? —

И тут только я соображаю, что не излишки чего-то меня тревожат, а напротив, нехватка. Нет людей в городе. И машин нет. И автобусов с троллейбусами тоже нет. Вдоль всей центральной улицы, насколько хватает глаз. В воскресный день, в двухсоттысячном городе, когда все забито народом и транспортом, нет ни людей, ни этого самого транспорта. Мы с сыном стоим и тупо пялимся на нетронутую пыль, которой покрыт асфальт проезжей части проспекта Ленина. Мы уже достигли точки встречи с Михаилом, но его тоже нигде не видно. Я вновь беру телефон и нажимаю цифру три.

– Ты где? – Снова задаю я ему тот же вопрос.

– Стою на перекрестке Ленина и Ломоносова. – Отвечает он мне в трубку. И от этого ответа меня вдруг прошибает холодный пот, несмотря на жару. Потому что это как раз мы с сыном стоим на этом самом перекрестке. А не он. Его тут нет!

– Мишаня, – говорю ему я голосом предельно спокойным, – посмотри вокруг себя там, где ты стоишь, все ли в порядке с гор... Все ли... Блин! Нет ли вокруг тебя чего-то странного? – И я замечаю, что сотовая связь начинает давать сбой. Потому что его ответ становится прерывистым.

– Нет! – Почти кричит он мне в трубку. – Вы где? —

– Да здесь мы! – Ору в трубку ему я. – Не знаю! Где мы? —

– Чего? – И голос его уже почти исчезает – А... Не бойтесь... ися нули большие... и здесь... я... нет ... – И тут он окончательно пропал.

Я посмотрел на индикатор сотовой сети. Экран был чист. Это было тоже очень странно, потому что совсем рядом с нами была передающая мачта на крыше Центрального Узла Связи.

Я развернулся на девяносто градусов и взглянул на крышу этого здания. На нем не было никакой мачты.

– Мы куда-то прошагнули. – Говорит мне Антон, и я понимаю, что слово «прошагнули» – это именно то слово, которое в нашей ситуации наиболее уместно. Это – правда! Мой мозг отказывается в это верить. Но вот вам факт – Пустынный Город. Тем временем слух наш улавливает какой-то звук, доносящийся сзади. Мы поворачиваемся и видим, как прямо посреди проезжей части на трехколесном велосипеде едет чумазый мальчик в грязной майке и старых каких-то сандалиях. Он следует, неспешно покручивая скрипящие педали своего велосипеда, и мы замечаем еще одну странность. Прямо напротив нас, по противоположной стороне улицы идут двое по пояс голых парня невиданных размеров. Парни эти являют собой просто образцы бодибилдинга. Просто-таки нереальные парни. Один из них покручивает в пальцах руки какую-то палочку. Идут и мирно беседуют друг с другом. И все. И больше никого вокруг нет.

– Где мы, блин? – Задаю я вопрос самому себе. Тут мой сын разворачивается и открывает двери магазина, которые прямо у нас за спиной. Это хорошая идея. Может быть, внутри зданий все по-прежнему? Он смотрит в дверной проем, а потом переступает порог магазина.

– Я сейчас. – Говорит он мне. – Гляну на втором этаже.-

Время идет. Я стою на месте, заморожено рассматривая катающегося кругами мальчика. А Антона все нет. Наконец, до меня начинает доходить мысль, что с меня хватит всей этой карусели с мальчиками, крутыми парнями и Пустынным Городом. И я разворачиваюсь к той двери, куда зашел мой сын, но обнаруживаю, что теперь и сам магазин и тротуар от меня как-то очень далеко оказываются. И ветер совсем стих. А жара, наоборот, стала просто нестерпимой. До того трудно просто ногу переставить с места на место, как будто ногу приклеили к мостовой. Вижу я, что из открывающейся двери выходит мой сын, и вижу, что двигается он также чрезвычайно тяжело. Он отрицательно качает головой. Мы стараемся двигаться навстречу друг к другу, но в какой-то момент времени это становится сделать просто невозможно, и мы стоим в нескольких метрах друг от друга, замерев, взмокшие от пота, с беспокойными лицами. И смотрим на катающегося мальчишку, который, как ни в чем не бывало, продолжает крутить свои педали.

Вокруг меня начинает крутиться какой-то ветерок, наподобие крошечного смерчика со мною в центре. Мальчик на велосипеде едет все медленнее по мере того, как смерчик вокруг меня начинает резвиться все сильнее. Я замечаю, что и вокруг Антона вьется такой же ветерок.

– Что делать будем? – Задаю я сыну моему вопрос, и голос мой почти не звучит.

– Не знаю. —Кричит он мне в ответ. – Дядя Миша сказал «Не бойтесь». – И я его уже еле слышу.

– Антон! – Уже изо всех сил ору ему я. – Если потеряемся, постарайся вернуться домой и успокоить маму! —

От него звуков уже не исходит, но по артикуляции я понимаю, что он кричит мне «Ладно!» и кивает головой.

Так мы и стоим в ожидании того, чего предотвратить уже не можем. Смерчи вокруг нас усиливаются. Мальчишка на велосипеде, наконец-то останавливается. Затем он начинает ехать задом наперед, все ускоряя движение, и я замечаю, что то место, где стоит мой сын медленно тает, растворяясь в воздухе. Исчезает и мальчик с велосипедом. Затем, взглянув вверх, я вижу ворону, летящую стремглав хвостом вперед. Я протягиваю свою руку и натываюсь на какую-то невидимую преграду. Такая же преграда оказывается вокруг меня со всех сторон. Смерчи больше вокруг меня не кружат, но зато теперь в городе, где со мною что-то происходит, начинает быстро темнеть. Я вижу солнце, движущееся по небу с запада на восток. Внезапно вокруг все оживает и мне виден наш родной город, снова полный жизни. Все мелькает, движется, постепенно ускоряясь. Только все происходит в обратном течении времени. Полми-

нуты. Не больше. Солнце камнем падает за горизонт на востоке. Наступает ночь и магистраль, на которой я стою, вся испещрена стрелами фар мчащихся автомобилей. И мне даже ни к чему, что они мчатся прямо через меня. Задом наперед. И меня при этом никак не задевают.

Солнце вырывается с запада, из—за горизонта, словно ракета, и, быстро очертив небесную свою дугу, снова камнем падает за горизонт на востоке. Вокруг меня, в городе, который теперь плохо различим из-за слишком быстрого темпа событий, по-прежнему все течет наоборот.

Наконец, закаты и восходы начинают меняться с такой частотой, что все сливается в один неразличимый круговорот. И я делаю вывод, что теперь сутки, отматываемые в направлении прошлого для меня, длятся не дольше одной тридцатой секунды. Или, что то же самое, за одну мою секунду снаружи уходит вспять как минимум месяц.

По видимому, темп бега времени вспять еще ускорился. Потому что я стал различать вокруг только смену сезонов. При этом мои часы показывали мне, что год пролетал примерно за четыре секунды. Это означало, что за час с небольшим можно улететь примерно на тысячу лет назад. Я засек время с того момента, как попал во всю эту карусель. «Что ж?» – подумал я. —«По крайней мере мне не дожить до времен, куда мне точно не хотелось бы попадать. Поскольку ко временам доисторическим с такими темпами мне заживо не добраться».

По прошествии минут двадцати я несколько успокоился и обрел, наконец, способность размышлять логически. Мне также удалось снять с плеч надоевший рюкзак и просунуть его себе между ног. Почувствовав такое облегчение, я постарался привести в порядок свои мысли невеселые.

Было понятно, что Антона тоже закружило, как и меня. Потому что я видел, как вокруг него снуют силы, формирующие вселенную.

Сперва вызывая ветерок, а дальше, формируя какую-то пространственную капсулу, в которой ты можешь двигаться не в пространстве, но во времени.

Эта идея, конечно, мне была знакома. Самая передовая часть интеллектуальной элиты планеты, которая зовется писателями – фантастами, давным-давно уже обсосала эти сюжеты, где время и пространство как бы менялись ролями в жизни человека. (И замечу вам, что нет ни одной стоящей фантастической идеи, которая по прошествии какого-то времени, не обрела бы своего реального воплощения.) Теоретически мне это тоже было понятно. Потому что и время, и пространство – суть одно и то же. При помощи умножения и деления на скорость света из времени можно получать пространство, а из пространства время. Поэтому, если мы в нормальном мире можем свободно перемещаться в пространстве, но не во времени, теоретически можно предположить наличие таких условий, когда ты наоборот, смог бы свободно перемещаться во времени, потеряв при этом всякую свободу своих перемещений в пространстве.

Совсем, как у меня сейчас.

Я тут стою, запертый в какую-то непонятную капсулу, и не могу никуда сдвинуться в пространстве. Более того. Географически, как мне кажется, я тоже нахожусь все еще на месте, никуда не перемещаясь из того города, который лежит у меня под ногами. Но при этом я совершенно очевидным образом следую во времени. Причем в прошлое относительно своего начального момента.

И за каждый час, исходя из моих весьма неточных замеров, меня будет относить примерно на тысячу лет назад. Но при этом я останусь в той же самой точке на поверхности земли. Или же нет? Как знать...

Где Антон? Где Михаил? И как так мы вышли в какой-то мир без людей? Ну, почти без людей. И почему даже этого не заметили? Как так мы прошагнули в какой-то мир параллельный среди бела дня в самом центре густонаселенного города?

Я понимал, что ни на один из этих вопросов мне сейчас не ответить. Но от этого мне не становилось легче.

И где, в конце концов, моя остановка? Не получится ли так, что я в этой капсуле смешусь назад на десять миллиардов лет, возвратясь к моменту Творения? И как это вообще работает? Что за капсула такая? Ни стен нет, ни очевидных силовых полей, наличие которых так или иначе повлияло бы на меня. Создается впечатление, что какой-то локальный кусочек пространства-времени сам по себе стал жить по иному относительно остальной части вселенной.

И я внутри этой зоны. А так же, очевидно, и Антон.

Вопросы. Вопросы тревожные.

«Не бойтесь». Вот ведь, блин! Легко говорить «не бойтесь», когда ты сам... Да нет же! Его так же, похоже, закрутил ветерок, у ног вьющийся. «Мишаня! – подумал я, – когда я тебя увижу в следующий раз, то придушу своими руками». И вообще нужно было его придушить еще в детстве, тогда, когда мы подрались из-за кузнечика. «Алгебраический тополог, блин! На кой тебе хрен твоя алгебра и топология, коль скоро тебя выкинет где-нибудь в средневековой Англии, где тебя тут же объявят еретиком, колдуном и утопят в первой попавшейся проруби?» Я еще немного поругал своего друга, потому что всегда становится легче, когда во всех твоих бедах находится некто виновный, не являющийся тобою.

Что он там еще нам с Антохой вещал? Что-то про большие нули?

«Большими нулями» мы назвали в свое время одну мою идею, восходящую к ранней молодости, когда и я пытался заниматься высокой наукой, в чем, к слову, иногда преуспевал.

Суть идеи такова. Я рассматривал пространство и нуль в нем, как пространственную область, не имеющую размера. Конечно, это точка. По Эвклиду. Пятый постулат его Геометрии, который гласит, что точка – это то, что не имеет частей. Это – пункт намба ван.

Пункт намба ту. Представим точку не как пустое множество, а как многообразие. Для этого представим, что точка – есть множество элементов, расстояния между которыми равны друг другу и равны нулю. Такое представление точки эквивалентно начальному.

Пункт намба фри. Положим теперь, что расстояния между элементами этого многообразия равны друг другу, но отличны от нуля. Здесь мы удаляемся от классической геометрии к тому, что совсем бесполезно человеку пытаться представлять наглядно. Теперь Эвклидова точка получается из нашей области, как предельный случай, – когда расстояния между элементами равны друг другу и равны нулю.

И, наконец, пункт намба фо. Мы теперь на этом многообразии можем задать расстояния с помощью фундаментального метрического тензора и получить ни что иное, как нормальную геометрию. И теперь Эвклидова точка будет получаться из этой нормальной геометрии, как предельный случай, когда сперва между всеми элементами расстояния становятся равны друг другу. Затем они становятся равны нулю, что математически эквивалентно переходу от произвольного числа элементов к пустому множеству.

– При чем тут нули и тем более, большие? – Спросите вы. Резонно. Потому что пока я аксиоматизировал только случай весьма оригинальной геометрии. А вот вам! Положим теперь, что расстояния между точками внутренней области такого многообразия вполне соответствуют фундаментальному метрическому тензору пространства, лежащего и вне этого многообразия. А для точек границы определим то, что расстояния между ними равны друг другу и равны нулю.

Вот теперь мы и получили самый настоящий «Большой Нуль». Всё, что внутри границы – это он самый и есть. Потому что ненулевого размера область пространства ограничивается нулевой площадью поверхностью. То, что поверхность, ограничивающая внутренний объем GZ (great zero), на самом деле имеет нулевую величину, следует из определения такой геометрии, в которой возможны равные расстояния между всеми элементами геометрического многообразия.

Мне возразят, мол, на такой геометрии нарушается отношение порядка? Ну, да. Нарушается. А кто запретил ему нарушаться? Ведь если мы до сих пор не можем сформулировать

условия и постулаты геометрии с произвольным порядком на множестве своих элементов, то это говорит только о том, что наши мозги несколько слабже, чем нам хотелось бы иметь.

Да и, строго говоря, сама эта идея – о Больших нулях, – это идея мною была подсмотрена в рассказе Стругацких «За миллиард лет до конца света». Рекомендую. Там это – пространственные пузыри Владимира Малянова.

То место, где я сейчас заточен, – это типичный Большой нуль. Внутри, как и вне, – нормальные законы природы. А точки границы этой области имеют между собою либо бесконечно малые расстояния, либо вообще, расстояния, строго равные нулю. А может быть, расстояния между любыми двумя точками границы равны планковской длине? Я не знаю. Точнее вам никто и не скажет...

Вот уже час прошел. Боже! Куда ты меня послал? И главное, зачем?

Так сидел я на своем рюкзаке в непонятном месте и думал о том, почему я здесь оказался. С совершенно равным успехом думать я мог сейчас о чем угодно. Часы продолжали тикать, и бег времени вспять в мире, находящемся вне меня, по-видимому, продолжал иметь место.

Я стал замечать, что у меня сильно разболелись зубы. А через какое-то время и живот. Видимо, от переживаний. Поднялся какой-то кожный зуд, и мне было это крайне неприятно потому, что я то там, то тут принимался себя истово чесать. Если бы меня кто-нибудь смог бы видеть снаружи, то могло бы сложиться впечатление, что меня кусают полчища блох. Однако все эти житейские мелочи были ничем по сравнению с проблемой самого моего движения во времени. Было понятно, что теперь мы в нашем родном мире пополним собой многомиллионные списки тех, кто числятся пропавшими без вести...

Наконец, что-то стало меняться. «За окном» я стал различать уже не сплошное мелькание, а отдельные кусочки и фрагменты какого-то странного мира, про который пока ничего еще не мог сказать. Еще немного времени потребовалось для того, чтобы мир начал мелькать настолько медленно, что стало возможно различать отдельные его элементы. В один из таких моментов я и увидел караван верблюдов, навьюченных разной поклажей, и людей, резво бегущих задом наперед вместе с верблюдами.

Не скрою, я очень этому был рад. Это означало, что я торможу в мире, не лишенном людей.

Под моими ногами оказался песок. Хотя, мне было все равно. Лишь бы поскорее освободиться из плена времени. И наступил момент, когда капсула моих перемещений растворилась бесследно, обдав напоследок меня легким ветерком, вьющимся у моих ног. Похожим на маленький смерчик со мною в центре. Этот смерчик быстро затухал и, наконец, исчез, оставив меня сидеть на своем рюкзаке в позе Роденовского Мыслителя, среди каких—то непонятных песков и в непонятном времени.

И все же, я был рад.

Было похоже на то, что я прибыл туда именно, где мне и надлежало быть, согласно чьего-то плана насчет меня. Почему-то я был уверен в стопроцентной целенаправленности путешествия, которое я не по своей воле только что совершил и во времени и, похоже, в пространстве тоже.

Вокруг меня был песок. Насколько хватало глаз. В местных краях вечерело. Я посмотрел на свои часы и отметил, что все мое путешествие во времени заняло чуть больше двух часов по внутреннему времени моей капсулы. Если исходить из моих расчетов, то получалось, что меня снесло во времени примерно на две тысячи лет. Плюс-минус сто лет.

«Почему я?» В сотый раз задавал я себе этот вопрос. Зачем меня оторвали от моих дел? Оторвали от семьи? Оторвали от привычного ритма жизни? Зачем, зачем, зачем, зачем?...

– Ладно. Это мы выясним. – Сказал я вслух самому себе и обрадовался тому, что звуки в этом мире оказались нормальными. Затем я повернулся спиной к садящемуся за гори-

зонт солнцу и, впервые в своей жизни искренне перекрестившись широченным крестом, пал на колени и сказал – Господи, – сказал я, – у меня совсем нет слов! —

Глава 9. Начало пути

«Никто не может избежать западни. Главное – понять, попался ты или нет. Если ты в ловушке и не осознаешь этого, тебе конец. Я думаю, все свои проколы я распознал. И теперь пишу о них...»

(Чарльз Буковски. «Путь в рай закрыт».)

Я стоял среди песков, которым не было конца. Во всяком случае, тянулись они до самого горизонта. Мои переживания за прошедшие два часа по собственному времени Большого Нуля, заставили мой организм изрядно проголодаться. Поэтому, не откладывая ужин в долгий ящик, я порылся в своем рюкзаке и извлек оттуда банку консервированной сайры, лопать «Бородинского» хлеба и свою финку, служившую мне и ножом и вилкой. Я ел, стоя посреди пустыни, так как садиться на песок мне не хотелось. Нужно было выработать некий план действий, потому что, как я понимал, из песков этих мне придется как можно скорее выбираться к людям.

Я не видел никаких альтернативных вариантов.

Поэтому я решил, что, как только я увижу селение или караван, то сразу же зарю всю свою поклажу, с которой я сюда прибыл, в песок, дабы не обременять местных аборигенов ненужными мыслями по поводу того, что такое, например, сотовый телефон?

Наскоро перекусив, я утопил ногой в песке пустую консервную банку и посмотрел на звездное небо, что возникло как-то внезапно вместе со спустившейся на пустыню ночью.

Без сомнения, это было наше небо. Причем, небо Северного полушария. И это тоже не могло меня не радовать. Судя по скорости наступления сумерек, я был недалеко от тропиков. То есть, был я либо в Сахаре, либо в Аравийских песках. Оставался так же маленький шанс того, что меня вынесло на Американский континент, куда-нибудь типа Невады. Но почему-то, я не чувствовал, что это так. Все же, афро-европейский вариант пустыни мне казался наиболее вероятным.

Итак, я решил двигаться на север в этом совершенно незнакомом для меня мире. Такое мое решение было продиктовано знанием географии. Потому что в любой из известных мне пустынь Северного полушария, движение на север было движением либо к обжитым землям, как, например, в Каракумах или Гоби, либо к морю, как в Сахаре. Меня устраивал любой из этих вариантов. Я взвалил свой рюкзак за плечи и бодро зашагал прямо на Полярную Звезду.

Моё движение в указанном направлении продолжалось более полутора суток. С кратковременным перерывом на сон. Несколько раз в светлое время суток мне попадались змеи. Но они от меня шарахались еще больше, чем я от них, оставляя за собой в песках нервный, извилистый след. Рассматривая горизонт с максимальным вниманием, боясь пропустить что-то очень важное, что могло возникнуть внезапно, я при этом не забывал посматривать себе под ноги. И не зря. Несколько раз в моем направлении прыгали какие-то насекомые, вызывая у меня приступы омерзения и страха.

Я жутко устал к исходу этого времени, но отсутствие питьевой воды меня гнало вперед, несмотря на усталость. Жажда усиливалась также и тем, что мне приходилось питаться из своих припасов, состоявших в основном из консервированной рыбы. Еще была сгущенка, пара пакетиков растворимого кофе, полкило макарон, сахар, соль и хлеб. Но все это могло потерпеть. А вот рыбные консервы в условиях отсутствия холодильника подождать, конечно, не могли.

Была у меня также в рюкзаке и полторалитровая бутылка «Углической» воды без газа, потому что я не доверял качеству питьевой воды в той речке, на берегах которой мы и хотели провести пару дней – я, мой сын и мой друг.

(... Где они теперь? ...)

Воду эту трогать было нельзя. Это был мой НЗ. На самый крайний случай. Я знал, что могу выдержать без воды и больше полутора суток. Как-то раз я не пил и не ел совсем ничего трое суток. И к их исходу у меня пропала и жажда и голод. Так что тогда я смог бы прожить в таком режиме и подольше. Правда, тогда я не путешествовал пешком порядком по пустыне...

Еще когда я самый первый раз в пустыне ел – чуть более суток назад, – я обратил внимание на то, что во рту моем стало гораздо больше зубов. Плюс к этому, чувствовал я себя не на сорок пять, а так, как в лучшие свои годы, после армии. Мои брюки теперь болтались на мне, будучи велики как минимум на четыре размера, и мне пришлось основательно затянуть поясной ремень, чтобы просто их не потерять. У меня не было с собою зеркальца, но уже и без него я знал, какого возраста человек отразится в нем, когда мне представится возможность в зеркальце взглянуть.

Было очевидно, что и внутри Большого Нуля время хоть и значительно медленнее, чем снаружи, но, тем не менее, шло вспять, заставляя мой организм «вспоминать» времена, отстоящие от моего реального возраста на четверть века. Мои очки на плюс полтора вызывали теперь у моих глаз только резь. А в условиях тишины пустыни я заметил, что звон и шум в ушах, который всегда сопутствует возрастным изменениям сосудов, также бесследно исчез.

И это все было тем, чему я был необычайно рад.

Я вновь обрел былую свою выносливость и былую силу. Так что мысли о грядущих испытаниях, которые, вполне вероятно, могли бы мне встретиться здесь, меня не очень-то угнетали.

Конечно, я сильно ошибался...

К исходу третьего дня моего неумолимого движения на север, когда мною были съедены все припасы кроме кофе и сгущенки, и выпита половина воды, вдалеке я увидел всадника. Он был еще практически на линии горизонта. И его можно было бы совсем проигнорировать, если бы я не смотрел на него в видоискатель от своего фотоаппарата «ФЭД», взять который с собою меня предусмотрительно заставил Михаил. Вероятно, он знал, что мне эта вещь здесь очень пригодится.

Так вот, я определил то, что точка на горизонте является человеком, едущим на лошади, только после того, как внимательно рассмотрел его в видоискатель. Но что меня более всего поразило, так это то, что он начал движение в мою сторону даже раньше, чем я его разглядел.

Он что, рассматривал меня в артиллерийский прицел?

«Посмотрим!» – подумал я и двинулся ему навстречу. И какова бы не была моя дальнейшая судьба в этом мире, я точно знал, что вершиться она будет именно сейчас.

Наше сближение длилось около получаса, и, не скрою, многие мысли приступали ко мне в течение этого времени. Наконец, всадник подъехал ко мне на расстояние десятка метров, и я увидел, что это мальчишка.

Подъехавшему ко мне парнишке было на вид никак не более восемнадцати лет. А если учесть тот факт, что южные народы взрослеют намного быстрее, чем люди с севера, каковым был, например, я, то вполне могло оказаться, что этому красавцу, гордо восседавшему на белой, как снег, кобыле, было лет пятнадцать.

Он был совсем юнец.

Его одежды и снаряжение говорило мне о том, что это скорее человек богатый, нежели бедный. Он выглядел насколько опрятно, настолько и красиво. Я бы даже сказал, благородно. Его прямая осанка в седле без стремян могла означать лишь то, что парень этот родился прямо в седле и с тех пор так ни разу и не слезал со своего транспорта. В одеждах его преобладали светлые, охристые тона, а так же, чисто белая ткань, тонкая, колышимая даже едва различимым ветерком. На ногах была обувь, похожая на сапоги, сработанные из очень тонкой кожи. В довершении всего у этого пижона на шее был повязан алого цвета шарфик из ткани настолько тонкой, что она была прозрачной. И это делало его похожим на пионера из тех времен, когда я пребывал в его нынешних годах.

Без сомнения, этот пионер был не беден.

При нем был нож в ножнах, висевший на поясе с левой стороны, ибо я был слева относительно него и не мог видеть того, что было у него по правому борту. Был при нем также и лук, притороченный к седлу позади седока.

Какое-то время мы просто молча смотрели друг на друга. Причем я очевидным образом нахально его рассматривал. Мне было очень любопытно то, как выглядели люди две тысячи лет назад. Да и на моей физиономии была улыбка, потому что, во-первых, парень этот был слишком еще мал, чтобы представлять для меня какую-либо угрозу, а во-вторых, он мне откровенно нравился. Да и как, скажите мне, я мог еще к нему относиться? Ведь фактически мне было сорок пять лет. Вне зависимости от того, насколько помолодел мой организм в ходе своего путешествия во времени, это никак не изменило ни мою память, ни мой жизненный опыт. Души, знаете ли, не только не стареют, но и не молодеют тоже!

Он же, напротив, смотрел на меня не просто без интереса, но и, как мне показалось, вообще без эмоций. Как будто перед ним был не человек, одетый совершенно несвойственно его времени, но вообще предмет неодушевленный.

– Привет! – Сказал ему я тоном максимально ровным. А он в ответ отклонился в седле назад и немного вправо и извлек откуда-то аккуратную такую, кривую саблю.

Его клинок сверкнул на солнце, когда парень этот очень быстро перекинул свою правую ногу через спину лошади и соскочил на песок.

А потом он ровным и уверенным шагом направился напрямиком ко мне...

У меня было совсем немного времени, чтобы сообразить о намерениях этого пионера, который двигался ко мне с оружием в руках. Я скинул с плеча рюкзак и водрузил его прямо перед собой, так как никакой иной возможности воспрепятствовать движению этого юного терминатора у меня не было. Он сделал вид, что пытается мой рюкзак обойти справа, и я, клюнув на эту его уловку, тут же двинулся влево от него. А этот мерзавец просто прыгнул на мой рюкзак, и тут же с него в песок, и оказался прямо у меня перед носом.

Его правая рука, в которой он сжимал свою саблю, не взлетела вверх, как я того ожидал. Но удар он нанес снизу вверх, без всякого замаха, быстро и внезапно. Я успел отшагнуть назад, но его сабля расплосовала мне тыльную сторону правого бедра. Он тут же продлил движение своей руки снизу вверх, и вышел в хороший замах. И снова очень быстро рубанул своей саблей теперь уже сверху вниз, пытаюсь меня рассечь от правого плеча до пояса.

Однако, к этому я был уже практически готов.

Я сильно отклонился назад, прогнув спину насколько это было возможно, и его оружие со свистом рассекло воздух совсем рядом с моим лицом. А я тут же со всей силы поддал корпус вперед, пытаюсь, как снаряд, налететь на моего противника. Сократить дистанцию между нами – это был мой вообще единственный шанс выстоять против этого умельца обращаться с холодным оружием. Свой маневр я проделал очень быстро. Однако, негодник просто отпрыгнул вправо, и я пролетел мимо него, споткнувшись о собственный рюкзак, и при этом упал лицом в песок.

Позади себя я расслышал короткий смешок. Парнишке, видимо, доставляло удовольствие меня немного погонять, прежде чем снести мне голову. Было так же очевидно и то, что передо мною умелый боец, которому, по всему судя, было не впервой развлекаться подобным образом.

Я быстро поднялся на ноги, а он, как и прежде, ровной походкой направился ко мне. Только на лице его теперь играла гадостная, кривая улыбочка. Когда между нами оставалось метра три, он внезапно воткнул острие своего оружия в песок и с силой метнул в мою сторону то, что успела зачерпнуть его сабля, попав мне прямо в лицо. Я отмахнулся, стал размахивать руками и что-то говорить, отступая назад. Я чувствовал, что мной начинает овладевать паника. Пятясь назад, я снова оступился и упал, снова встал и снова получил порцию песка с кам-

нями. Теперь я оказался у самой его лошади, которая, как ни в чем не бывало, стояла, понутив голову. Тут до меня дошло, что у парня этого приторочен к седлу лук. Я тут же повернулся лицом к его кобыле и стал лихорадочно дергать за лук, но парнишка этот тихо свистнул, и его лошадь, встав на дыбы, отпрыгнула от меня, сильно дернув за правую мою руку. Потому что я крепко держался за кожаный ремень, которым был прикреплен к седлу лук. Я снова растянулся в песок лицом, а его кобыла стала бить передними копытами, пытаясь попасть в меня. Я катался по песку, уворачиваясь от копыт его лошади, а парень этот теперь откровенно смеялся.

Страх – вот что я стал испытывать по мере нашего поединка.

Наконец, мне удалось подняться на ноги и времени, которого мне потребовалось для этого, было достаточно для того, чтобы копыто его кобылы зацепило меня по животу. Меня пронизала острая боль, но я понимал, что ничего серьезного не могло быть. Потому что удар пришелся вскользь. Однако, мой противник этого знать не мог, и я понял, что у меня снова появился шанс. Я не стал разгибаться, но, напротив, скорчился изо всех сил, давая понять, что его лошадка пнула меня копытом в поддых. Я сидел на корточках и громко стонал, зажав живот руками, а парень этот снова свистнул своей кобыле, но уже совсем по-другому. И она послушно от меня отвалила, оставшись стоять в стороне.

Похоже, он поверил моему блефу. Потому, что шел он в мою сторону уже совсем спокойно, зажав свою саблю у себя подмышкой левой руки, а правой рукой поддергивал штаны.

Он шел просто для того, чтобы закончить начатое дело, срубив, наконец, с меня мою голову.

Всего скорее, я бы одолел его в кулачном бою. Но, что я мог предложить против бойца, виртуозно владевшего саблями? В моем мире не дрались на саблях. Конечно, у меня была моя финка. Но, во-первых, она лежала где-то в моем рюкзаке, а во-вторых, финка против сабли, конечно, не могла бы выстоять. Да и не стал бы Терминатор этот дожидаться, пока я пороюсь в рюкзаке в поисках оружия.

Когда расстояние между нами стало около трех метров, парнишка снова перехватил саблю в свою правую руку. Потом он остановился, вытянул перед собою свою левую руку, согнув ее в локте на уровне лица, а саблю положил лезвием на нее, отведя при этом правую руку назад. Выглядело это так, как будто он готовится к удару, держа в руках бильярдный кий.

Я по-прежнему стонал и делал вид, что на него вообще не реагирую.

Тогда он, осторожно приближаясь ко мне, двигаясь мелким приставным шагом, стал наклоняться вниз, целясь при этом острием своего оружия мне в шею. А я специально еще нагнул голову свою немного вправо, подставляя шею под его удар. Я понимал, что от смерти меня отделяет одно мгновение, – ровно столько, сколько требуется его руке для того, чтобы выстрелить в меня своим оружием.

Я притих и даже стонать перестал, всем своим видом изображая то, что теперь являюсь совсем уже легкой добычей.

Он поднес свое оружие почти совсем вплотную ко мне, двигаясь при этом по-прежнему предельно осторожно. Именно сейчас я на его месте и нанес бы свой удар, быстро и очень аккуратно вскрыв артерию на шее. Прوماхнуть с такого расстояния было просто невозможно. Но с ударом он явно медлил.

И тогда я понял, что он желает видеть мое лицо.

Его, очевидно, интересовал испуг, страх и все такое, что обычно испытывает жертва перед лицом неминуемой гибели. Возможно, он также полагал, что я паду пред ним на колени и стану его умолять?

Думаю, он сильно во мне ошибался, потому, что, когда я поднял к нему свое лицо, то он увидел мою кривую улыбочку, снабженную также нагловатым прищуром глаз. В одно мгновение он все понял и на лице его отразились испуг и удивление, одновременно с тем, как его правая рука изо всех сил метнула в меня саблю, нанося удар.

Я совсем чуточку отклонил свою голову вправо, и острое его оружия пролетело мимо меня, никак меня вообще не задев. А поскольку он вложил со страху в свой удар всю силу, то по инерции подался вперед и попал прямиком ко мне в объятия!

Я перехватил его руку с оружием, зажав у себя подмышкой левой руки, а правой сразу же нанес ему три сильных удара: кулаком по губам, затем сразу же дважды в область сердца. Он задохнулся и обмяк. Стал кашлять. Саблю свою тут же выронил в песок. Я заглянул ему в глаза с очень близкого расстояния и обнаружил в них смесь страха и боли.

Я повернул его влево, повалив на песок. Подмял под себя и, усевшись на него сверху, стал методично молотить по лицу с двух рук. Он неумело пытался защищаться, но было очевидно, что в кулачном бою он совсем несилен. К тому же я значительно превосходил его по всем параметрам – и в весе, и в росте, и в силе.

У него не было шансов.

Через пару минут его физиономия имела боевой раскрас участника боев на ринге прайда.

Он пытался несколько раз свистнуть своей лошади, призывая ее на помощь. Но разбитые в кровь губы не давали ему этого сделать.

Когда же я понял, что противник мой совершенно сломлен, то поднялся и отошел в сторону, отшвырнув ногой в сторону его саблю. Потом пошел вслед за саблей, поднял ее и сломал об свое колено, немного порезав при этом свою левую ладонь. Мальчишка тем временем успел встать на ноги и кинулся со всех ног бежать к своей кобыле, которая стояла недалеко от места нашей битвы.

У меня не было ни желания, ни сил его догонять. Да и убийство малолетнего придурка, возмнившего о себе невесть что, не входило в мои планы.

– Топай отсюда! – Крикнул я ему. – Пока я тебе башку не оторвал! —

Он, не оглядываясь, подбежал к своей лошади и со всего ходу, опершись обеими руками в прыжке на ее круп, взлетел ей на спину.

Надо отдать ему должное – он, определенно, был ловок.

– Вали отсюда, придурок! – Снова крикнул я ему вслед. – И никогда больше не попадайся мне на пути! —

Я стоял с видом победителя и для пушей убедительности еще погрозил ему кулаком.

Однако, что сильно меня удивило, он совсем даже и не торопился никуда убежать. А вместо того, чтобы стремглав ускакать от меня подальше, стал очень быстро и ловко освобождать свой лук. И тут я понял, что опять недооценил ни своего противника, ни ту угрозу, которую он собой являл.

Он уже отцепил от подпруги свой лук, когда до меня стало только доходить, что вот теперь дела мои на самом деле плохи. Потому, что если этот воин также хорошо владел луком, как и саблей, то мне кранты.

Я со всех ног кинулся к нему, пока он копался со своим колчаном, который мне не был виден. И этих секунд мне хватило для того, чтобы оказаться совсем рядом с ним. Я хотел его схватить за ногу и сдернуть с кобылы. Но вместо этого получил пинок ногой в лицо. Я отлетел назад, сев своим задом на песок, и почувствовал, что из носа моего хлынула кровь. А он тем временем уже располагал стрелу у себя на руке, одновременно разворачивая ко мне свое туловище. В следующую секунду я увидел, как его правая рука с силой оттягивает тетиву. И увидел, что прямо мне между глаз смотрит острое его стрелы. Я шарахнулся вправо, все еще сидя на песке, в тот самый момент, когда он спустил тетиву. Я почувствовал острую боль в своем левом плече, но обращать на нее внимание у меня не было времени. Он уже вложил в свой лук очередную стрелу, когда я, вскакивая на ноги, изо всех сил вонзил его кобыле в зад его же стрелу, которую выдернул из своего плеча. Несчастное животное подпрыгнуло так, что усидеть на нем не смог бы никто. Она заржала, взбрыкнула задними копытами, стараясь меня лягнуть, и при этом сбросила с себя своего седока, который не держал поводьев, занимаясь стрельбой

из лука. Он, описав в воздухе короткую дугу, упал в песок, все еще сжимая в руках свой лук и стрелу, которая сломалась. Он опять бросился к лошади, успевшей уже от нас отбежать, но я на этот раз его опередил.

Я тоже мог двигаться и быстро и ловко. Меня этому в армии учили.

Я встал между ним и его кобылой, не давая ему к ней подойти. И тут он бросился на меня с лицом, полным ярости, издав какое-то подобие боевого возгласа, в котором присутствовали и злость, и досада, и страх.

Он рассчитывал сбить меня с ног. Потому что вдалеке от своей лошади у него не было против меня никаких шансов. Мальчишка это знал.

Но вместо этого он встал, как вкопанный, наткнувшись своим открытым горлом на пальцы моей левой руки, которую я выбросил вперед со скоростью летящего копья. Мне надоели все эти игры в благородство, потому, что этот парнишка не оставлял никакого иного выбора, кроме, как разобраться с ним так, как я это умел.

Он какое-то время стоял без звуков. Он даже не хрипел. А потом очень медленно, как бы нехотя, присел на песок, опершись на свою правую руку, все еще сжимавшую сломавшуюся стрелу. Присел рядом с ним и я, обхватив его своей левой рукой за плечи.

Он отложил в сторонку лук, отодвинув даже его от себя подальше, и левой рукой сжал свою уже сильно распухшую, синеющую шею. Было видно, что он все понимает. Его горло было сломано, и починить его в условиях пустыни не было никакой возможности. В его темных глазах встали слезы сразу вслед за тем, как из них исчезла ненависть. Он теперь просто плакал. Совершенно молча. Затем осторожно, отняв левую руку от своего горла, он потянулся себе за спину. Полез куда-то под одежды, почти уже теряя сознание, и я увидел, что в левой руке у него острый, как шило кинжал, и такой же узкий.

– Хочешь напоследок мне ножичек одолжить? – Спросил я у него ровным тоном, понимая, что этот молодец, даже умирая, все еще не собирался сдаваться. Затем я взял из его слабеющих пальцев этот красивый кинжал, и очень легко, почти без замаха, приложив острие к самой середине его груди, толчком ввел лезвие внутрь.

Его взгляд остановился, замерев на мне. И теперь его лицо стало лицом того человека, кем он и являлся на самом деле. Без всего наносного.

Это был просто мальчишка.

Я смотрел ему в глаза, замечая, как быстро уходит из него жизнь, и сказал тихо

– Прощай, пионер. Ты не оставил мне выбора. —

Затем закрыл ему его мертвые глаза и аккуратно положил щуплое, легкое тело его на песок.

Глава 10. По ту сторону дверей

*«Дано нам Богом и от Бога
всё, для чего мы родились.
Хоть жизнь, порою, так убога!
Но, все же, как прекрасна жизнь!!!»*

(Неизвестный автор, путешествующий во времени...)

По-видимому, я задремал после того, как пожилая служанка, прислуживавшая в доме Иосифа, изрядно накормила меня какой-то вкуснушкой кашей с медом и козьим молоком. Я спал и снова плакал во сне. Так всегда было и так всегда будет, пока я жив. Я плачу потому, что во мне смешиваются многие чувства и от их избытка в душе моей и рождается этот плач, который иногда перерастает в волчий вой.

И тогда я вою...

А глаза? Мои глаза просто отражают состояние моей души.

Всегда, когда мне снится моя жизнь до и после путешествия во времени, во мне смешивается любовь и ненависть. Радость и обида. Чувство острой несправедливости в отношении меня и где-то в самом потаенном уголке сердца – всепоглощающая любовь к тем, или Тому, кто со мною поступил таким вот образом, отправив меня сюда, чтобы я мог жить новую мою жизнь.

О! Это время! Сколь противоречивые чувства рождает оно во мне!

Я знаю точно, что это время и это место, где я оказался двадцать лет назад, уже давно стало для меня родным. Здесь я приобрел много друзей, искренне меня любивших. И еще больше приобрел врагов, искренне меня ненавидевших. Здесь я любил и был любим. И надо отдать должное женщинам этого времени, любить они умели не в пример нашим, из двадцатого века. Есть в местных женщинах нечто такое, что наши давно утратили. Смесь осознанного целомудрия со всепоглощающей страстью. Очень опасная смесь...

... Ближе к рассвету меня разбудил старик, умудрившийся каким-то непостижимым образом совершенно бесшумно подойти вплотную ко мне.

В руках он держал чашу, от которой исходил уже знакомый мне терпкий запах. И это означало, что пришел час моей кончины.

– Выпей три глотка. – Сказал старик, протягивая мне чашу и помогая свободной своей рукой мне немного присесть на моей лежанке. Я послушно последовал его намереньям в отношении меня, немного при этом постовав. Хотя, должен вам признаться, постонал я более из страха, чем от боли.

Я медлил с питием предлагаемого мне яда, поскольку в памяти моей были еще свежи воспоминания трехдневной давности. И они меня совсем не вдохновляли.

С одной стороны, я верил этому человеку. Потому что он вел себя во всем очень достойно. Да и если бы он намеревался меня загубить, то тысячу раз уже мог бы это сделать и без помощи сложных технологий в составлении «воды мертвых».

Но!

Мне именно сейчас почему-то было нестерпимо старшно. Просто нестерпимо. Не знаю почему. Я понимал, что сегодня не обойдется только питием. Меня собирались вправду похоронить. Причем, прилюдно. А это означало, что я должен либо быть совсем мертвым, либо не совсем, но настолько, чтобы ни у кого из ушлых и хитрых евреев, которые обязательно за всем этим будут наблюдать, не возникло бы и тени сомнений в отношении истинности всей процедуры.

А, уж, поглядеть придет много народу. Мне была доподлинно известна популярность моя в местных краях...

– Пей скорее! – Повторил старик свой приказ. – Скоро рассветет и люди примутся за свои дела. Потом будет уже невозможно заниматься обманом. —

Я поборол в себе желание выбить чашу из его рук и взял ее у него. Потом покачал головой, пытаюсь уговорить несколькими глубокими вздохами бешено колотившееся свое сердце, и решился на то, что, как я понимал, делать я никак не мог. Тому, что я намеревался сделать, еще не было места в этом мире. Но страх брал свое. И, чтобы хоть как-то себя успокоить, я осмелился реализовать это странное для меня желание, возникшее внезапно и очень сильное. Я перекрестился и сказал на уже хорошо забытом русском:

– Господи, помоги! – Сказал я и припал к чаше ртом, сделав три глотка Воды Мертвых.

Сразу же, вслед за онемением моего языка, комната прогнулась, оставляя меня со стариком в центре воронки. И я увидел, что Очень Грустный Ослик теперь стоит на практически вертикальной стене. Вслед за этим пришел еще больший страх, и тошнота. А потом я, как и в первый раз, в пустыне, потерял совсем способность чем-либо двинуть из своих членов.

При абсолютной ясности сознания.

Я лежал и слышал жутко обострившимся своим слухом, как через несколько комнат от нас, еще во сне, маленький мальчик тихо всхлипнул. И услышал звук поцелуя и слова его матери, бывшей, видимо, рядом с ним: «Ч – ш – ш... Все будет хорошо.» Прошептала ему его мать. И мальчик замолчал. А я почему-то принял эти ее слова на свой счет, и мне стало как-то легче.

Но вот чего не было раньше. У меня вдруг стало с перебоями работать сердце. Оно сбилось с ритма. А потом его удары стали вообще едва различимы и настолько редки по времени, что я не смог установить интервал. Дыхание также почти пропало. И это все сопровождалось какими-то нереальными приступами страха. Я понимал, что не теряю сознания только в силу того, что нахожусь на том кислороде, который пока еще в организме моем не иссяк. А что потом?..

Тут в помещение хлева вошел равви Иосиф. Понятно. Ему необходимо было в этом принимать участие. Потому что, случись какая осечка, шкуру сдерут и с него тоже. И из темноты коридора, из-за широкой спины равви Иосифа выглянул старший сын старика с помятым ото сна лицом.

А я в этот момент почему-то успокоился. Я впал в состояние, которое можно назвать глубоким трансом за исключением того, что я был абсолютно адекватен в восприятии действительности. Если бы не было так неприятно именно чувство абсолютной своей несвободы, то с таким состоянием можно было бы вполне мириться.

Можно даже сказать, что внутри меня рождалась какая-то радость. Все это было очень и очень необычно. Но, все же, страх был огромен, и никакие радости отвратить его не могли.

Вновь вошедшие приблизились к старику, который внимательно за мной наблюдал, держа в своей правой руке мою левую руку.

– Ну что? – Спросил Иосиф старика. – Как он? —

– Умер. – Спокойно ответил тот.

Я слышал вопрос и слышал ответ на него. И тут до меня стало, наконец, доходить истинное положение вещей. Мне не верилось, но как еще это назвать? Что есть смерть? Вот вам бездыханное тело, неподвижное, не реагирующее ни на какие внешние факторы. Тело без сердцебиения, без дыхания и без движения.

Обычно это называют трупом.

А я? А я никуда не исчез. Но, лишившись способности управлять своим телом, испытываю чудовищную несвободу. И от этого мне невыносимо тяжело. И, кстати, я теперь приобрел способность видеть себя как бы сверху. Но вижу я уже не глазами. Потому что прогиб про-

странства куда-то бесследно исчез. И слышать стал каким-то странным слухом, без участия моих ушей, все, что творится вокруг в радиусе целого дома.

Значит, все-таки, старик меня решил отравить совсем. Не понарошку, как обещал. Совсем отравил. И похоже, что я на самом деле уже умер.

– Кажется, я не вполне рассчитал состав. – Произнес, наконец, старик вполголоса. – Или же он ослаб настолько, что... – Он помолчал и выпустил из своей ладони мою руку. И она со стуком упала на земляной пол хлева, откинувшись в левую сторону.

– Я же ему обещал. – Тихо прошептал он, качая головой. – Я обещал... —

– Послушай, Иосиф, – обратился к старику равви Иосиф. – Что сделано – то сделано. Теперь нужно просто довести начатое до конца. – А старший сын старика Иосифа прошептал. – Бедолага! —

– Конечно. – Со вздохом ответил старик и сказал, обращаясь к своему старшему сыну – Иаков, иди, разбуди мать... Всех разбуди... Скажи, что... Нет, ничего не говори пока. Ступай. Только мать разбуди. —

Иаков скрылся за дверью, ведущей из хлева в дом. Оба Иосифа какое-то время молча взирали на мое тело. Потом старик сказал.

– Не знаю. Я не уверен... – И, подумав, добавил. – Что если мы похороним живого? —

– Хоронить его придется в любом случае. – Ответил хозяин дома.

– Да. – Сказал старик. – Но мы собирались хоронить живого, будучи уверены, что он жив.

А по прошествии полусуток выкопать его и заменить на труп того, другого, с обезображенным лицом. —

– Но мы можем поступить так и сейчас. – Сказал равви Иосиф. – Пусть полежит лицом вниз в том воздушном мешке, который Иаков загодя приготовил. Как мы и планировали. Мы кладем его лицом вниз, потому что негоже, чтобы вор и разбойник обращал свои мертвые глаза к небу. Кладем в яму, дно которой является деревянным перекрытием, присыпанным землей. Я думаю, Иаков сделал под этим фальшивым дном достаточную полость, чтобы этому бедолаге хватило воздуха на целый день. И при этом совсем неважно, умер он сейчас или не умер. Мы его все равно откопаем, как планировали, после заката. Ночью опять обещали суховей, как только сядет солнце. Потому что у старика Езекии снова жутко ломит ноги. Поэтому, когда мы пойдем его выкапывать, смотреть за нами никто не увяжется. Всем шкура своя дорога. Да и нам нужно будет управиться со всеми делами за один поворот моих часов. Иначе мы там так и останемся... Как мумии нечестивых египтян... – Он помолчал и продолжил. – Ну, вот. Если он уже умер сейчас, то могила – самое для него подходящее место. Мы в этом убедимся, когда станем выкапывать его. Если он еще жив, что крайне маловероятно, то за предстоящие пять страж, что ему назначено там лежать, он, конечно, успеет прийти в себя и с ужасом обнаружить, что погребен заживо. Самому ему не откопаться. Поэтому все, что ему останется – это молиться Господу Саваофу, или кому они там молятся, стенать и плакать, каясь в своих грехах. Ну, короче, я не знаю... Если он придет в себя, то откопав его, мы просто сделаем подмену, как и планировали. А если помер, то его положим под настил, а этого, в его одежде, сверху. И тогда, даже если кому-то взбредет в голову устраивать проверку со вскрытием могилы, в чем я очень сомневаюсь, то в могиле они и обнаружат всего лишь одного, очень протухшего покойника... В этих его ужасных башмаках... Вот и все. Сейчас ты ему уже ничем не поможешь. Потому что воду мертвых обратно из него уже не извлечь! ... —

Я слушал этот монолог равви Иосифа с содроганием сердца. Вот, значит, что они мне приготовили? Но, поскольку изменить что-либо я не мог, то в душе своей постарался угомонить страх, сконцентрировавшись на надежде. «Если меня они все равно будут откапывать, то я готов потерпеть все, что они со мною будут делать сейчас» – решил я. И мне стало намного легче.

Через совсем непродолжительное время после всех этих высокоумных рассуждений двух мужей в хлев, где валялось мое уже давно бездыханное тело, вошла та молодая женщина, которую мне старик представил, как свою жену. Она встала рядом со стариком и с тревогой спросила – Давно преставился этот несчастный? – И тут я понял, что впервые за все время, что я пребывал в их обществе, слышу ее голос. Он был тих, умеренно низок и удивительно тепл.

Почему-то в присутствии этой молодой женщины я чувствовал себя как не в своей тарелке. Я не могу это описать. Да, я пребывал вне своего тела. Да, я испытывал настоящие муки от того, что был скован какой-то чудовищной несвободой. Да, я испытывал какой-то жуткий, панический страх. Ощущение того нового мира, в котором оказалась... Моя Душа? Это ведь так называется? Но все это перебивало чувство, возникшее сразу же, как только эта женщина пересекла порог хлева. Это... Ни с чем несравнимый... И совершенно невыносимый... Стыд!

Боже мой, я же не валяюсь голый! Я из них никого не оскорбил ни словом, никак вообще. Меня настолько парализовала вода мертвых, что я даже не обделался, когда помер. Но, вот скажите же... Но, скажите мне кто-нибудь!!! Почему я не могу находиться в присутствии этой женщины?!! Почему? Этот Стыд вызывает боль меня того, который есть и жив в настоящий момент. Он жжет меня, как огнем. И если сейчас я – это моя душа. То значит, что это боль моей души, вызванная этим, ни с чем несравнимым стыдом? Я не понимаю. Я не понимаю... Наверное, так и горят в аду! Будь я в силах, я бежал бы от нее куда глядят мои глаза! Я не в силах даже помыслить о том, чтобы находиться рядом с нею. При этом она вызывает во мне такое щемящее, такое теплое стремление к... Нет, не к ней... Не знаю. К тому, что она собой... в себе несет? Я ищу слова, которых во мне нет. Они мне неизвестны. Я сгораю от стыда. Причем, сгораю в прямом смысле! О! Как стали белы ее одежды! Как ослепительно они белы! Они источают свет, который я в нынешнем моем состоянии могу видеть. И он жжет меня, как огнем. И ее лицо! О! Оно сияет, словно солнце, и этот свет... для меня невыносим! Я даже перестал различать слова, которыми она обменивается со стариком. Так нестерпима эта боль! Так нестерпима!!! Господи, помоги мне... Помоги...

Где-то снова мальчик всхлипнул, и она уходит... Уходит...

Я пошел бы за тобой хоть на край света. На край света, и даже дальше! За любой порог и за любой край света, за Предел Всего. Такая... Несравненная! Мне настолько невыносима даже мысль о том, что вот ты сейчас уйдешь, что я бы завыл, если бы обладал горлом. Возможно, когда-нибудь, ты еще услышишь этот мой далекий вой. Мой плач, доносящийся к тебе из бесконечной бездны моего небытия. О! О... Я бы ни за что не променял все сокровища мира на разлучение с тобой. Мне так невыносима мысль, что этот свет сейчас померкнет и что ты... Что ты... Но Стыд, мой великий Стыд. Мой бесконечный стыд, он сожжет меня дотла, если только свет твой еще коснется... моей... нечистоты?

Да, конечно. Я теперь понял. Эти горы лжи, накопленные в моей душе за долгие и долгие годы, что я лгал отцу. Эти скелеты, вываливающиеся напоказ из всех потаенных шкафов моих и подвалов... Этот мальчишка, щуплое тело которого я кладу на песок... Как мне совместить наличие всего этого с присутствием тебя? Это демоны мои бегут от тебя, находясь внутри меня. И тянут!!! И тянут... и тянут меня за собою. Прочь от тебя и от этого света... От Ослепительного Блистания Твоей Чистоты...

Вот уходят и мужи. Они мне помочь совсем не могут. А я остаюсь в некоем подвешенном состоянии смотреть на то, как стало бездыханно мое тело. И я вижу, как женщина проходит коридорами туда, где в тревожном сне всхлипывает ее младший сын. Боже! Спаси меня!

Я слышу звуки голосов, находящихся от меня за несколько комнат. Шепот двух людей, не желающих, чтобы их разговор слышал кто-нибудь еще.

– Что теперь мы будем делать? – Говорит женщина своему мужу, старцу Иосифу. – Он ведь велел сохранить этому несчастному жизнь ... – И, помолчав, добавляет. – Может быть, мне разбудить его? —

– Пойми, – отвечает ей старик, – этого нельзя делать, потому что его время еще не пришло... Начало его трудов еще не положено... И еще очень нескоро... Ты же знаешь... Я не знаю с чего начнется его служение, но это будет не сейчас. Еще двадцать лет нам ждать. Потому что иначе мы нарушим закон отцов ... —

Мальш, спящий рядом с говорящими, вздрагивает, переворачиваясь на бок на узком матрасике, и его тело при этом сползает на ковер, что лежит прямо на земляном полу. Но его мать уже рядом. Она шепчет ему слова утешения и гладит рукой по голове. А старик говорит ей очень тихо, но я различаю его слова.

– Мы не можем использовать его силу тайком от него. Потому что тогда мы поступим, как воры. Мы не можем использовать его силу без его личного понимания того кто он и что он, потому что тогда это станет магией, которую мы все ненавидим. И мы не можем использовать его силу вообще сейчас, потому что это преждевременно. Это опережает его предназначение на целых двадцать лет... Если не больше! —

Мне совершенно непонятно, о ком они сейчас совещаются, говоря про какую-то силу, но я понимаю, что старик убил меня случайно, и что умереть я был не должен.

– Я все понимаю. – Говорит женщина в ответ своему мужу. – Но ведь тебе известно, кем должен стать Гафур в будущем. – И старик ей отвечает.

– Да, известно. Но, это только возможность. Не более того. Не нужно нам говорить о предрешенности. Никто, даже Сам Бог, не сможет заставить бандита стать праведником, если только бандит сам страстно этого не возжелает. Его судьба – в его руках. —

– Тем не менее, он не должен был умереть сейчас. – Говорит старику Иосифу его жена. И в голосе ее нет никакого порицания в адрес своего супруга, но лишь бесконечное сожаление о случившемся. – Мы должны были ему помочь остаться в живых. —

– Совершенно точно. – Соглашается тот. – Поэтому он и не умрет.

– Но ведь он уже умер? – Говорит старцу Иосифу его жена, повернув к нему свое удивленное лицо, и я слышу в голосе ее непонимание.

– Да. Он умер. – Опять утвердительно говорит старик. – Но он, тем не менее, останется жив. Потому что в будущем ему определено место в Божественном плане... Если только он сам пожелает идти путем пророчеств... Но, какой бы путь он ни выбрал, выбор этот он сделает не сейчас, а много лет спустя. Именно поэтому сейчас он и будет жить. – И подумав, добавляет. – Он останется жив, несмотря на то, что уже давно мертв. Я это знаю. —

Старик говорит это таким тоном, что, будь он на трибуне, его словам внимали бы народы. Вероятно, так и говорили пророки, вещая людям о грядущих временах. Никто, однако, кроме его жены и меня, подслушивающего их разговор, старика не слышит. А жена его говорит совсем тихо

– Мне бы твою веру! —

– Это – Божий промысел. – Говорит дед. – Мы ничего делать не будем. Все, что мы можем – это помолиться Всемогущему о том, чтобы все встало на свои места. —

И с этими словами он выходит из того помещения, где в тревожном сне спит его младший сын. И где около мальчика, закрыв свои глаза, сидит его мать с невыразимой усталостью на лице.

Старик движется бесшумной походкой, совсем не похожей на стариковскую, проходя целый ряд комнат. Там прямо на полу спят люди, которых Иосиф решил приютить у себя в имении на время песчаной бури. И, выйдя во двор, обращается к равви Иосифу, занятому водворением на место деревянного каркаса с еще зеленой виноградной лозой. Каркас рухнул,

видимо, во время ветра. А весь двор засыпан толстым слоем песка и пыли. Старик говорит хозяину имения.

– К тебе обращаюсь, достойный! —

Услышав такое обращение к себе человека, который старше его на два поколения, равви Иосиф явно смущен. И, отложив свою работу, поворачивается к старику лицом и преклоняет голову в ответ на аналогичное преклонение головы стариком в его сторону. И даже не спросив его ни о чем, говорит.

– Ты правильно решил. – Молитва – это все, что нужно сейчас бедолаге Гафуру.

Затем они оба так же бесшумно и быстро движутся комнатами в хлев, где мое тело лежит все в той же позе, что и раньше. Проходят в самый конец хлева, прихватив с косяка входной двери масляную лампу, и равви открывает совсем не заметную для глаза дверь, которая ведет куда—то. Там, в крошечном помещении, равви зажигает свечу, и она освещает святилище. В этой комнате, посреди ее, стоит квадратный стол и на нем семисвещник. Совсем такой же, какой когда—то, давным—давно, я видел в алтаре православного храма в городе, в котором жил две тысячи лет спустя. На этом престоле лежит книга, представляющая из себя просто толстую стопку пергаментов, на которых написано что—то, чего я понять не могу, потому что не владею языком Моисея.

– Молись. – Говорит равви Иосиф старику, протягивая ему выбранные из этой стопки листы пергамента. – А я продолжу работу. И заодно успокою всех, кому вдруг станет интересно, куда ты пропал. – Говорит он и, повернувшись, быстро исчезает из святилища.

Время как будто останавливается. Я его совсем не ощущаю. Я продолжаю висеть все там же, над своим телом, и при этом знаю о том, что делается вокруг меня. Вот и сейчас, в крошечной комнатке, совсем рядом со мной, скрытой от всех глаз, старик начинает читать древние тексты, полупшепотом произнося слова, и я слышу то, что он произносит, периодически воздевая руки к небу...

– Живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего покоится, говорит Господу: «прибежище мое и защита моя, Бог мой, на Которого я уповаю!» Он избавит тебя от сети ловца, от гибельной язвы, перьями Своими осенит тебя, и под крыльями Его будешь безопасен; щит и ограждение – истина Его. Не убоишься ужасов в ночи, стрелы, летящей днем, язвы, ходящей во мраке, заразы, опустошающей в полдень ... —

Речь его льется, как вода, и мне понятно, что все это старику непервой. Что он много—много раз уже говорил и читал эти слова, которые непостижимым образом врываются в мою душу. Возможно, когда-то давно и он был иудейским священником, каким является сейчас равви Иосиф. И я ощущаю, как за моею спиной отступает холодный мрак, притаившись невдалеке и выжидая.

– Блаженны непорочные в пути, ходящие в законе Господнем. Блаженны хранящие откровения Его, всем сердцем ищущие Его. Они не делают беззакония, ходят путями Его ... — Продолжает тихо—тихо петь старик. И вместе с его голосом в мою душу входит такой покой и такое наслаждение, что мне просто не с чем это сравнить. А он продолжает

– ... Ты заповедал повеления Твои хранить твердо. О, если бы направлялись пути мои к соблюдению уставов Твоих! Тогда я не постыдился бы, взирая на все заповеди Твои: я славил бы Тебя в правоте сердца, поучаясь судам правды Твоей. Буду хранить уставы Твои; не оставляй меня совсем! Благословен Ты, Господи! научи меня уставам Твоим. Устами моими возвещал я все суды уст Твоих. На пути откровений Твоих я радуюсь, как во всяком богатстве. – Доносится до меня речь молящегося в святилище старика. Между вратами ада и вратами рая вишу я и мне очень, очень страшно. Какие-то странные, неприятные голоса вне поля моего зрения и голос читающего старика борются друг с другом, отстаивая каждый свое. Но предметом их непримиримого спора являюсь вовсе не я. Я – только повод. Суть же их спора, этой борьбы, намного, намного старше.

– О —о —о, да – а – а – а! – Слышу я. – Ты уже подписал себе смертный приговор... И всей своей семейке! —

– Открой очи мои, и увижу чудеса закона Твоего. —

– ... лучше бы тебе даже и не брать в свои руки Псалтирь! —

– Ты укротил гордых, проклятых, уклоняющихся от заповедей Твоих. —

– Твой проклятый предок написал это! – Вторит старику голос за моей спиной. – Ты же не думаешь, что можно так вот просто произносить вслух слова, которые я ненавижу!.. О – о – о! Ты ведь знаешь, что моя месть будет скорой! —

– Князья сидят и сговариваются против меня, а раб Твой размышляет об уставах Твоих. Откровения Твои – утешение мое, советники мои. Душа моя повержена в прах; оживи меня по слову Твоему. – Тихо – тихо поет дед.

– Сейчас, оживит! – Слышу я голос, исполненный насмешек и сарказма. И вдогонку фразе – смешок.

– Потеху путем заповедей Твоих, когда Ты расширишь сердце мое. Укажи мне, Господи, путь уставов Твоих, и я буду держаться его до конца!

– Лжешь! – Тихо скрипит голос. – Пустые клятвы. Я их тебе обязательно припомню! —

– Отврати очи мои, чтобы не видеть суеты; животвори меня на пути Твоем. Утверди слово Твое рабу Твоему, ради благоговения пред Тобою. Отврати поношение мое, которого я страшусь, ибо суды Твои благи. —

– Смерть твоя будет скорой и ужасной! – Обещает старику скрипучий голос во тьме.

– Вот, я возжелал повелений Твоих; животвори меня правдою Твоею. Да придут ко мне милости Твои, Господи, спасение Твое по слову Твоему, – и я дам ответ поносящему меня, ибо уповаю на слово Твое.-

– Что там обещает мне эта букашка? – Вдруг слышу я еще один голос вне поля моего духовного зрения. Этот голос чем-то напоминает мне компьютерный – из тех времен, когда речевые синтезаторы были несовершенны. Он страшен. Он беспол. Он врывается внутрь тебя, как некий потоп, смывая твою личность. Он выжигает в тебе свои отпечатки затем, чтобы навсегда оставить след внутри тебя.

Так вода прорывает плотину.

Так в одночасье исчезает невинность.

Так клеймят рабов.

Этот голос ввергает меня в бездумное оцепенение, полное отчаяния и тоски настолько огромной, что она овладевает мною всецело, истребляя из меня всякую надежду на что-либо хорошее.

Теперь я могу только трепетать, как осиновый лист на ветру, мечтая только об одном, чтобы больше никогда мне не слышать этого голоса.

– Вспомни слово Твое к рабу Твоему, на которое Ты повелел мне уповать: это – утешение в бедствии моем, что слово Твое оживляет меня! – Вновь слышу я дрожащий голос старика, доносящийся из каморки.

– Нет! – Кричит голос из Темноты. И это «нет» моментально приносит в мою душу целую лавину образов настолько жутких, что мне этого не описать словами. Я вижу земли, которым нет конца. Выжженные, безжизненные, безводные. Бесконечность Нежизни. Так именно называются эти земли, которые я вижу, восприняв смысл одного только лишь слова «нет», произнесенного голосом из темноты. И я теперь понимаю, что проклятая пустыня, которая простирается от этого дома на тысячу миль к югу – это просто самый настоящий рай по сравнению с теми краями, которые я только что увидел.

– Гордые крайне ругались надо мною, но я не уклонился от закона Твоего. Вспоминал суды Твои, Господи, от века, и утешался. Ужас овладевает мною при виде нечестивых, остав-

ляющих закон Твой. – Отвечает голосу старик. – Молился я Тебе всем сердцем: помилуй меня по слову Твоему. —

– Нет! – Это новая волна Черноты наваливается на меня сзади, и я бли-зок уже к полному помешательству. Образы, переданные в этом слове раскрывают мне какую-то историю. Эта история старше самой материи.

Я вижу то, что было тогда, когда еще не было ничего. Еще до Большого Взрыва.

Бесконечные, залитые солнечным светом пространства. Яркие, живые краски. Тепло и радость. Счастье жизни. И я чувствую нескончаемую тоску по всему этому того, кто кричит сзади меня это грозное «Нет!» Там множества и множества существ, красота и совершенство которых неподвластна ни времени, ни пространству, ни пониманию. И они прославляют, воспевая в своих песнях Того, кто создал все это великолепие.

– Гордые сплетают на меня ложь; я же всем сердцем буду хранить повеления Твои. – Слышу я голос старца Иосифа.

– Не—е—ет! – Ревет голос сзади. И я на миг погружаюсь в те солнечные дали, которые передаются мне в виде образов, обрушивающихся на меня с каждым новым криком «Нет!» Теперь я могу вдохнуть одним—единственным вздохом тот мир, краше и желаннее которого нет. И в течение всего лишь одного этого вздоха моего, я успеваю понять и увидеть многое. Я вижу всеобъемлющую любовь всей твари этого мира к Своему Творцу, Который есть Центр этого мира. И Его Любовь, изливающаяся на все вокруг, наполняет все и возвращается обратно к своему Источнику. И происходит поклонение Творцу, как некий добровольный и желанный акт, порожденный Его Любовию. Эти реки любви, струясь, востекают обратно в Центр этого мира. И рядом с Центром находится тот, кто светел и могуч, и имеет всякую власть. Он находится совсем рядом с Творцом, не являясь Творцом, и поэтому каждый поклон, совершаемый созданными в сторону своего Творца, совершается также и в сторону того, кто совсем рядом с Ним. И я чувствую, как постепенно в Стоящем Рядом рождается понимание того, что, хотя он и совсем рядом, но поклоны адресованы не ему, а совсем чуточку в сторону. И песни, воспеваемые нами, свободными гражданами свободного мира, адресованы не Стоящему Рядом. Совсем не ему.

Такое положение дел длится и длится. Проходят и бесследно исчезают бесконечно большие интервалы времени, и в Стоящем Рядом происходят изменения. Теперь от налета легкой грусти не остается и следа. Теперь зависть, рожденная в недрах души Бессмертного и Могущественного Существа, также становится бессмертной и могущественной. И мне понятно, что эти нравственные категории – это то, что истинно может принимать в мире значения не просто большие, но именно, бесконечные. Теперь я чувствую бесконечную ненависть Стоящего Рядом к Источнику Любви. И Творец Всего, являющийся Источником Жизни, теперь ненавидим Стоящим Рядом во всех своих аспектах. Теперь Стоящий Рядом ненавидит все, что так или иначе отождествляется с Творцом – ненавидит Жизнь, ненавидит Истину и Свет, и все то, что является нормой этого нашего мира. Мира, в котором я сейчас сделал всего лишь один—единственный вздох.

Я понимаю, что моя несвобода и недвижимость, вызванная смертью, ничто по сравнению с несвободой Того, кто имел когда-то ничем неограниченную власть.

– Я стал, как мех в дыму, но уставов Твоих не забыл. Сколько дней раба Твоего? Когда произведешь суд над гонителями моими? – Тихим голосом поет старик. – По милости Твоей оживляй меня, и буду хранить откровения уст Твоих. На веки, Господи, слово Твое утверждено на небесах; истина Твоя в род и род. Ты поставил землю, и она стоит. —

– О, нет! – Обрывает старика голос за моей спиной. – Здесь все мое! Поставил Он, но принадлежит все мне. Знай же, пришелец! – Слышу я голос, который ввергает меня в невыразимый ужас, потому что я понимаю, что последняя фраза адресована именно мне. – Знай же, пришелец! – Повторяет он. – Не пройдет и двадцати лет, что пролетят мгновенно, и смерть

твоя придет не понарошку, как сейчас. Ты умрешь, как умирают все. И в тот час, когда это случится, я буду рядом! И не будет возле тебя потомка царского рода, который бы помолился о твоём спасении. О—о—о! Там и тогда не будет никого! Ты даже не можешь себе представить, с каким наслаждением я приму твою душонку в свои руки для того, чтобы бесконечные века наслаждаться твоим страхом, который – ты можешь мне поверить, – будет огромен! —

Мне нечего ответить на это обещание, потому что я понимаю всю его правоту. Я только что осознал, что не могу совершенно вынести того света, который характерен для жителей Горнего мира. Этот свет доставляет мне такие страдания и такие муки, что не понятно, что для такого грешника, как я, было бы менее болезненно – боль, вызванная бесконечным стыдом перед Богом, или же боль от страха перед адом.

– Во грехах лежу я, Господи, научи меня оправданиям Твоим! – Слышу я голос старика. И понимаю, что лежу во грехах, имя которым – легион. Душа моя настолько замарана и непрозрачна для света Божьего, что этот Свет может просто выжечь душу, если ее осветит. Так же, как в луче мощного лазера разрушается и испаряется стекло, в котором есть внутренние дефекты. И поэтому я понимаю небезосновательность радости в словах того, кто вещает ко мне из Кромешной Тьмы.

Старик продолжает молиться в тесной каморке, освещенной одной только лишь свечой. Он просит и молит Бога о даровании понимания и смирения. Он возносит свои молитвы к Тому, Кто единственно и может исправлять кривое и лукавое, оживотворять мертвое и прощать непростимое. Ему стараются все так же, как и раньше помешать голоса из темноты за моею спиной. Но того, самого страшного голоса, я уже не слышу. Меня по-прежнему всего сковывает страх и несвобода смерти, но, все же, это огромное счастье даже в этом моем положении не слышать голоса того, кто когда-то был Стоящим Рядом. И кому теперь принадлежит вся власть в этом мире, мире, в котором живет все живущее и движется все движущееся. Я знаю, что то, что наобещал мне голос из темноты – это очень и очень вероятно. И еще неясно, когда мне вновь предстоит свидание с Ужасом. Потому что я по-прежнему все еще мертв, и бездыханное тело мое все так же лежит с откинутой в сторону левой рукой и головой, повернутой влево, в хлеву усадьбы равви Иосифа, в году семьсот пятьдесят седьмом от основания Рима. Боже, как мне тяжело! Как тяжело...

– Да приблизится вопль мой пред лице Твое, Господи; по слову Твоему вразуми меня. – Слышу я слова старика, на которые вновь обращаю внимание, потому что что-то начало вокруг изменяться.

– Да придет моление мое пред лице Твое, Господи; по слову Твоему избавь меня. – Вновь слышу я, и во мрак полутемного моего хлева проникает поток света, льющегося сверху. Этот свет, его лучи, проливаясь вниз, выхватывают из темноты меня, лежащего на соломенном матрасе, как в театре луч прожектора выхватывает ограниченное пространство сцены, оставляя все остальное во лежать во тьме.

– Уста мои произнесут хвалу, когда Ты научишь меня уставам Твоим. – И с этими словами в душу мою врывается ничем не передаваемое чувство наслаждения от любви, излитой на меня сверху и ставшей теперь моею. Она захватывает меня, как водоворот, и мой дух замирает от восхищения, как тогда, когда я впервые в жизни увидел землю в иллюминаторе самолета.

– Язык мой возгласит слово Твое, ибо все заповеди Твои праведны. – Слышу я, и в том нескончаемом и могучем потоке света, льющегося на меня сверху, я различаю нечто, очень отдаленно напоминающее окно. Это окно отверзто, и там, за его гранью, находится мир нескончаемого счастья, тишины и покоя. Мир абсолютной свободы, где ты более уже не будешь связан никакими узами. Я вижу множества существ невообразимой красоты. И они несут на своих руках Того, Кто есть Источник Света. Я его не различаю. Потому что не смею взирать на этот

Ни с Чем Не Сравнимый Свет. Но я понимаю, что Он движется ко мне, и мое дыхание исчезает. Я ощущаю себя пылинкой среди пространств бесконечной протяженности. И я «не смею».

– Да будет рука Твоя в помощь мне, ибо я повеления Твои избрал. – Слова старика, которые он произносит в тесной камерке, теперь почему-то доносятся сверху. И как мне кажется, что произнесены они голосом моего отца. А из Света, что теперь заливают все вокруг, появляется Рука и тянется ко мне своим Указательным Перстом.

– Жажду спасения Твоего, Господи, и закон Твой – утешение мое. – Слышу я слова, и уже не знаю, произнесены они мною, или же они звучат вне меня? Перст Света почти касается моей левой руки, которая откинута в сторону. И я вспоминаю, что видел уже эту сцену. Это именно она была угадана гениальным Микелянжелло на своде Сикстинской Капеллы.

– Да живет душа моя и славит Тебя, и суды Твои да помогут мне! —

Перст, протянутый мне в помощь и избавление от смерти, едва касается самого кончика указательного пальца моей левой руки. И это вызывает во всем моем теле некий толчок, от которого я, доселе висевший неподвижно над бездыханным телом моим, уверенно устремляюсь вниз и вхожу в свою брентную оболочку, как рука, замешанная на холодном ветру, с нетерпением проникает внутрь перчатки. И там я растекаюсь по всему своему организму, который уже готов снова включиться в работу, называемую жизнью.

– Заблудился я, как овца потерянная: взыщи раба Твоего, Господи, ибо я заповедей Твоих не забыл! – Слышу я умоляющий возглас старика, и вместе со сказанным ко мне возвращается дыхание.

Оно еще очень слабое, это мое новое дыхание, но я теперь понимаю, что все свершилось. Жизнь вернулась ко мне, все так же неподвижно лежащему на полу хлева. А Свет и Перст исчезли в тот же миг, когда я вновь, после столь длительного перерыва, сделал свой первый вздох на этой Земле!

Глава 11. Расставание

Через крошечную щель в стене двора, за которой Иосиф меня скрывал уже несколько дней от посторонних глаз, мне был виден двор его дома. Здесь четверо суток назад я очнулся после того, как семья старика вывезла меня из пустыни, чтобы подарить мне жизнь.

Просто так.

Я видел, что все уже готово к тому, чтобы эти люди продолжили свой путь в края, о которых я не имел даже отдаленного представления. Мне же предстояло еще достаточно долгое время провести в обществе равви Иосифа, в его доме, к которому я уже стал привыкать.

Надо заметить, что после своей смерти и воскрешения по молитвам старца Иосифа, а так же и после похорон, на которых я присутствовал в качестве покойника, после того, как я услышал шум сыплющейся сверху на меня земли и ощутил всю ее гнетущую тяжесть, во мне что-то изменилось. Мне теперь совсем не хотелось бы продолжать то дело, которому я посвятил в этих краях последние двадцать лет своей жизни. Мне было понятно, что снова к разбою и грабежам я уже не вернусь.

Было понятно мне и то, что весь этот прилюдный маскарад с моим погребением был тщательно срежессирован и виртуозно исполнен противным этим дедом и его подручными – старшим сыном и владельцем этого имения. И я понимал то, что это все было просто воспитательным мероприятием. Меня вполне можно было скрыть от людей любым другим способом, не требующим того, чтобы испытывал шок человек, которого погребают заживо.

Так ведь нет! Старику было нужно именно то, чтобы я почувствовал себя мертвым. Этого требовала его вера, в которой была в порядке вещей формула «око за око, зуб за зуб». Это была и его месть мне от имени всех тех людей, которых мне пришлось в своей жизни убивать. И после того, как он исполнил этот акт мщения, он сразу же, видимым образом стал ко мне относиться совсем иначе. Он видел глазами человека, прожившего сложную и очень долгую жизнь, что я стал другим. Что меня преобразила смерть и могила, в которой я пролежал почти полдня.

Возможно, когда-нибудь я вам расскажу обо всем этом более подробно. Но, не сейчас. Сейчас у меня просто нет сил вспоминать и переживать снова и снова те ужасы, которым я был подвергнут...

Я наблюдал за их семейством из своего укрытия и понимал, что они уйдут прямо сейчас. Они спасли мне жизнь, так и не став для меня друзьями. Потому что я, как и раньше, совершенно их не понимал. Мне по-прежнему были непонятны мотивы, по которым они меня спасли уже дважды, давая шанс начать все с нуля. И все же... Почему мне так не хочется с ними расставаться? Почему меня так тянет к этим людям, что-то важное скрывающим ото всех. Даже от лучшего друга их семьи, равви Иосифа? Что такого важного в их миссии, которой является их движение в неизвестные мне края? Какие сокровища они вынуждены прятать в своей пустяковой поклаже, которую везет на себе их Очень Грустный Ослик? Я не замечал того, чтобы они прятали в своих тюках несметные богатства. А если это так, если в их вещах нет ничего, ценнее черствого хлеба, то что тогда у них является сокровищем, из-за которого бедный этот, усталый старик, не может позволить себе даже легкой расслабленности? В его-то годы!?

Что они так прячут ото всех, включая даже лучших своих друзей?

Я все думал и думал, наблюдая за ними из своего укрытия, как вдруг увидел, что дед замер, выпрямив свою спину. Постоял он так с минуту, а потом пошел в мою сторону.

Он обогнул конуру Баджа, за которой и была тайная дверь, ведущая прямиком ко мне, и очень быстро образовался рядом со мной.

– Мы сейчас тронемся в путь. – Сказал он мне, подойдя вплотную и говоря шепотом.

– Я знаю. – Ответил я ему. Он помолчал и сказал мне.

– Прости, что ударил тогда тебя в пустыне. И за могилу тоже прости. Это было необходимо. – Я лишь кивнул головой. А он продолжал. – Ты прав в отношении того, в чем меня упрекал тогда. Но у меня есть то, что я вынужден скрывать от людей, и есть серьезные причины для этого... Этой весной я съел свою восемьдесят девятую пасху. – Продолжал старик, и я удивился его возрасту. – Но до сего дня, и даже неизвестно сколько еще, мне придется очень тщательно оберегать... то, чему нет цены в этом мире... Не спрашивай меня о том, что это такое. Потому что я тебе все равно не скажу. А если скажу, то потом вынужден буду тебя убить. Десять лет я скрываю этот дар, который нам... свалился с неба. И все это время, все эти десять лет, ни мне, ни кому бы то ни было из нас, не удавалось просто спокойно поспать... Вероятно, моя старость, которая наступила уже давно, могла бы быть иной. Но, я благодарен Богу за то, что именно мне досталась эта ноша ... —

Я слушал его, не перебивая, ожидая его слов во время длинных пауз, которые он делал, очень тщательно взвешивая то, что говорит.

– Я бы хотел, чтобы ты начал иные дни, потому что у тебя еще есть в запасе лет тридцать для того, чтобы прожить свою жизнь достойно. Но ... – Тут он опять замолчал на какое-то время. – Но тебе придется либо отсюда убираться очень и очень далеко – туда, где тебя никто не знает, – либо придумать что-то такое, чтобы изменить свое лицо. Потому, что как только ты попадешься на глаза кому-либо вне стен этого дома, то можешь считать, что дни твои сочтены. —

– Я это знаю. – Сказал я ему. – В моем мире это и называлось изменением внешности. Даже существовали люди, профессия которых как раз в том и заключалась, чтобы исправлять тем, кто в этом нуждается, лица и ... —

– Мой тебе совет. – Сказал старик, перебивая меня. – Обратись с этим вопросом к Иосифу. Он знает, что и как нужно для этого сделать. —

– Скажи мне, – спросил я старика, – почему вообще вам понадобилось меня спасти? Проще было бы просто не заметить и пройти мимо. Или не оперировать меня. И к утру я бы очоурился сам. —

Старик со вздохом покачал головой и сказал. – Это, конечно, все так. Но, во-первых, ты судишь по себе. А во-вторых, у тебя есть здесь дела, о которых ты еще даже не догадываешься. Ты же, ведь, не думаешь, что мы нашли тебя, умирающего в пустыне, случайно? – Он помедлил и добавил. – Мы искали тебя, Гафур. Мы долго шли по твоим следам в песках, чтобы догнать тебя, так ловко ускользнувшего ото всех. – Он снова помолчал и снова заговорил. – Нам пришлось огигать Мать Песков по огромной дуге, потому что я не мог туда отправиться со всем своим семейством. А потом... Ты же ведь не думаешь, что оказался в наших краях случайно? – Спросил он меня.

– Не думаю. – Честно ответил я. – А также я не верю и в то, что в мире может что-то происходить без веома Творца. И, кстати, спасибо тебе за молитву... Ты спас меня позавчера снова ... —

Старик взглянул на меня глазами, полными неподдельного удивления, но, видимо, мгновенно все поняв, сказал.

– Ты на верном пути. – И на усталом лице его появилась легкое подобие улыбки. – Но, больше я тебе ничего сказать не могу. Потому, что если я тебе расскажу то, что мне известно о твоём будущем, то этим самым повлияю на твой выбор, который ты должен сделать свободно... Когда придет время... Я изменю твою судьбу, если вмешаюсь сейчас. —

– У нас это называлось принципом неопределенности. – Стал вспоминать я порядком подзабытые термины из Квантовой Механики. —

– Мудрость нечестивых эллинов! – Проронил дед, снова приготавливаясь поворчать. – Я не знаю ваших наук, но это и так всем ясно. – Продолжал он. – Просто живи, прислушиваясь почаще к своему сердцу! —

С этими словами он положил мне на голову свою тяжелую ладонь и сказал. – Все, сынок, мне пора... Всего скорее, что мы в этой жизни уже не увидимся. Потому что мне совсем нездоровится. И уже это давно началось... Поправляйся. И постарайся сменить себе лицо и имя. – С этими словами он встал на ноги, и направился к узкому и низкому лазу, который вел в мое укрытие.

Он уже нагнулся для того, чтобы навсегда исчезнуть из моей жизни, как вдруг выпрямился и, повернувшись ко мне лицом, спросил

– Скажи все-таки, без вранья. Что, на самом деле люди могут летать на железных крыльях, или это ваши басни? Только, умоляю, не лги мне! —

Я лежал молча, глядя ему прямо в глаза, и не торопился с ответом. Я знал, что скоропалительный ответ не вызовет в нем доверия.

Я увидел картину из далекого и во времени и в пространстве будущего, бывшего когда-то моим прошлым. Откуда-то, из глубин своей памяти я вытащил зрительный образ того, как на полосу выруливает огромный АН-225 «Мрія» с закрепленным у него на спине космическим челноком «Буран»... Вот он вывернул на рулежку и затем на взлетную полосу. Постоял, разгоняя все шесть турбин. Потом резко помчался, все ускоряясь и ускоряясь, задирая постепенно кверху нос. Потом рывок, и вся эта громадина поднимается в воздух, и я смотрю на это и не понимаю, как воздух может держать такую махину?

– Есть вещи, – сказал, наконец, я деду, – которые я видел своими глазами много раз и в которые до сих пор не верю сам. Но то, что ты слышал о полетах человека по воздуху и выше, среди звезд, все это чистая правда. —

Он стоял, глядя на меня по-стариковски подслеповатыми, слезящимися глазами, и ответил, качнув головой.

– Бедные люди! Как же вы там жили?! – А потом развернулся, и, быстро нагнувшись, проскользнул в потайной лаз.

А мне почему-то внезапно пришли на память строки: «Жестокий век! Жестокие сердца!» «Зачем мне это все?» – Думал я, подавляя ком, внезапно остановившийся у меня в горле. «Зачем, Боже? Я здесь оказался не по своей воле... Жил себе в мире, который мне до сих пор дорог... Потом Ты меня запер тут... И первое, что я сделал в этом времени, это убил мальчишку... Потом мне пришлось очень долго бегать ото всех, потому что мальчишка тот оказался... Зачем мне это нужно было? Скажи... Я стал тем, кем я являюсь сейчас практически вопреки своей воле... В мире, где меня ожидала скорая смерть... И я стал... Я взял себе имя Гафур... Милосердный... Я убивал и радовался тому, что я делаю... Потому что... Да, я мстил... Тебе мстил за то, что Ты... Зачем Ты, Господи, оставил меня умирать здесь? В этом чужом для меня времени?!»

Я лежал, тихо всхлипывая, вытирая слезы рукавом холщевой рубахи, и услышал, как отворились и затворились ворота усадьбы равви Иосифа, выпуская из имения старика и его семью. «Я остаюсь здесь. – Думал я. – Я никуда не иду. Я никогда не покину этот мир. И домой я никогда не вернусь...»

Я поднял вверх свои глаза со слезами, стоящими в них, и сказал в смятении, обращаясь к небу, проглядывающему сквозь плотный терновник.

– Меня зовут Гафур... Гафур! И лицо мое, и имя останутся со мною! —

Часть 2. Мельхиор

«Все это не совсем правильно, сказал он, —
как люди смотрят, как музыка звучит,
как слова пишутся.
Все это не совсем правильно, сказал он, —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.